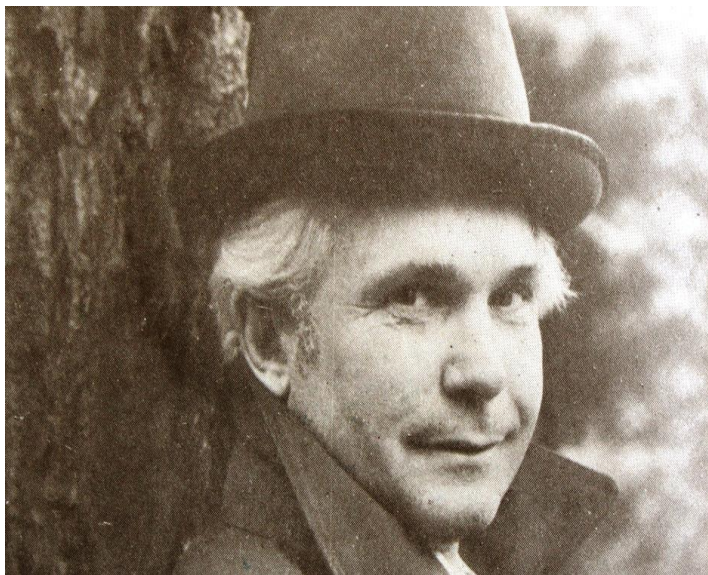

Владимир Зензин

БЕРЁЗОВЫЙ СВЕТ

(Лирический сборник)

ЗЕНЗИН ВЛАДИМИР ВАСИЛЬЕВИЧ

Автор более 40 книг о природе Прииртышья и людях Сибирского края. Член Союза журналистов. Многократный победитель литературных конкурсов среди журналистов на темы: «природа», «экология».

В поэтическом городском конкурсе 2010 года «Омские мотивы», посвящённом 65-ой годовщине со Дня Победы в Великой Отечественной войне, стал лауреатом и включён в итоговый поэтический сборник департамента культуры города и другие издания.

ПРОЛОГ

Берёзовый свет

*С малых лет люблю берёзовые рощи. Их вокруг
Нашей деревни – не счесть.*

*Есть осиновые колки, заросли ивы, зеленые рямки –
Но берёзовый свет и зимой, и летом всегда манит меня
Необыкновенной своей чистотой, близостью.*

*Слово «Сибирь» для меня состоит из двух основных
понятий: снег и берёза. Да, это мое восприятие России с
детства – белые снежные равнины и берёзовые леса.*

*Вся моя жизнь прошла среди берёз: мои радости,
Встреча с любимой девушкой, сборы грибов и ягод,
Охотничьи зори – все связано снежными, очаровательными
берёзовыми рощами. Они навсегда в сердце, навеки родные.
Берёза – исключительное, необыкновенное дерево
Хотя бы потому, что в нем есть красящее вещество –
бетулин, и клетки бересты имеют такой
специфический цвет. Цвет фаты невесты, цвет
целомудрия, цвет чистоты. Неповторимый, единственный.
Как-то в августе, собирая грибы, отдыхал, сидя под
Одной берёзкой. Налетел ветерок, и на меня
Посыпались семена – крохотные, просто микроскопически.
Они оригинальны и прелестны: это плодики,
Имеющие по бокам два овальных крылышка,
Чтобы разлетаться далеко-далеко!..*

Да, берёза – символ моей Сибири, моей Родины.

*Берёзовым светом озарена
моя душа. Белоснежные,
милые деревья повсюду
встают на моем пути,
приветствуя меня
в родимом краю.*

ЗИМНЯЯ БЕРЕЗА

Зимняя берёза в мир волшебный

приглашает:

«Подойди, взглядишь!..»

Я доверчивым давно уж не был —
обними, сверкающая высь!..

С веток бахромою иней светит:

от фаты иль платья

кисея?..

На сережках

в веточке заметен

блеск хрустальный —

словно бы заря!

Белое нечаянное чудо

из сказаний...

вьюг...

из серебра!

Да, живым,

нам не понять покуда:

чья ты дочь, снегурочка, сестра?..

Дышат ветки призрачно метелью,

непорочной

детской

чистотой.

Я стою...

не ухожу...

я медлю...

Словно перед девою святой!

Прикасаюсь вкрадчиво губами

к веточке,

к сережкам ледяным...

Пахнешь ты

ветрами и снегами,

обжигая божеством своим!

Глава первая. ПАМЯТЬ

БЕРЕЗОВАЯ РОЩА

Она стоит над речкою царевной.
Возвышенная- светит и искрит!
Иду я к ней на исповедь, как в церковь:
в листе зелёной божество горит.
Вхожу под ветви... тишина сквозная.
Прохладу ощущаю на лице...
Берёзка-мать,
в коре твоей, я знаю
есть шрамы,
словно память об отце.
Отце, погибшем в страшную войну...
И эту горечь я в душе храню.

* * *

Вглядись!?-
Грустит у поворота
берёзы старой, в полдень, тень...
Я вспомнил детство, дом, заботы...
В ограде ивовый плетень...
Я до войны любил берёзу...
В дом «похоронку» принесли...
Сбежал к берёзе...
Лились слёзы...
И я полдня стоял в тени.

МНЕ БЕРЁЗА ПРИПОМНИЛАСЬ...

Возвратилась ко мне тоска
по полям золотеющим в полдень,
по прожилочкам желтым листка
и по ведрам, брусникою полным...
Мне берёза припомнилась вдруг,
старая,
с огрубевшей корою,
там, где речки сверкал полукруг,
поднималась она над горою.
Каждый вечер в кроне ее —
несмолкаемый птичий гомон.
В каждом листике песня живет!
В каждой веточке — мир огромный!
И всегда,
в ливень летний иль зной,
укрываясь под сенью берёзы,
слыша щебет иль ветра разбой,
становился я тише, серьезней...
Я не видел оркестров тогда,
никаких я не слышал симфоний
в тех, войной оглушённых годах.
Только эту берёзу и помню!

* * *

Плеск воды над колодиной,
горький привкус осин
мне напомнили Родину
в пору тяжких годин.
Сорок пятый, голодный, —
я в весеннем лесу...
Как дары от природы,
сноп медунок несущу...

ШУМ БЕРЁЗ

Ветра нет.

Но в тихой зорьке

слышу близкий шум берёз:

в нём- полыни запах горький,

в нём- шептанье дальних звёзд.

В нём - все звуки пробужденья:

всплеск крыла дремавших птах,

капель росных вниз скольжение

и букашек первый страх...

Листья ото сна очнулись-

и лепечут, и поют.

Веточка слегка качнулась-

муравьи по ней ползут.

Тонко тенькнула синица,

сети вьёт свои паук...

Лёгкий пар внутри струится,

и скрипит засохший сук.

* * *

В куржаке сплошном берёзы
смотрят в синие снега —
затаены,
осторожны
зимней жизни берега!
Зябко дремлет куст над речкой
в белой шапке набекрень,
прорубь светится колечком
и парит дымком весь день!
В небе дымчатом,
безликом
в полдень солнца не сыскать,
оттого,
наверно,
 дико
хочется и мне скучать!
Слышу дальний скрип полозьев,
храп коня, веселый лай!
Стало к вечеру морозней —
ворот шубы поднимай!
Вот вдали закат лиловый
засветился в облаках,
снегири горят багрово
за оградой, на стогах!
Пролетает мелкий иней,
застревает на сосне...
И качает сумрак длинный
ветки в долгом полусне.
Тихо в воздухе морозном,
месяц наострил рога...
Опечаленно берёзы
смотрят в стылые снега

БЕРЁЗА БЕЛАЯ, РОДНАЯ

Навстречу старая берёза
шумит с высокого бугра...
Рассвет на влажных ветках розов
и в *черных* шрамах вся кора.
Кору навек запомнил с детства,
в те годы страшные войны.
Хотелось вдаль с бугра взглядеться,
там дымы черные видны.
Я помню: пацаном спросонок
спешил весной на косогор
где слышал свист скворца знакомый,
вплывавший в солнечный простор.
Запомнил запах почек первых
и веточки зеленой хруст...
И почтальонши голос нервный...
Глаз материнских боль и грусть.
Пришло письмо отца: «Блокаду
под Ленинградом разорвем
на этих днях...И если надо
за дело правое умрём...»
А вскоре следом- похоронка.
И ветры майские в полях
мне пели в трауре негромко
о безвозвратных, грустных днях.
- Берёза, белая, родная-
те шрамы чёрные в коре
сейчас в весеннем Первомае,
напомнили о той поре...

Воспоминания...Воспоминания...

5 мая 1944 года, у села Большое Раменье
Псковского района Ленинградской области
погиб мой отец Зензин Василий Павлович,
лейтенант, командир взвода 511
стрелкового полка, 239 стрелковой дивизии.

*Навечно ты остался молод
в свои неполных тридцать лет!...
Шёл май... сирени белый холод...
и в сини взорванный рассвет!*

Жестокий Май!..

Там на рассвете
погиб отец... Цвела сирень...
И ныне грустью давней светит
тот солнечный весенний день
... Мои стихи- мои дороги.
Из них не выбросит теперь
раздумий и сомнений многих
как память горькую за дверь.
Как есть –таким мир принимаю:
едины «радость- боль», «свет- мрак».
Иду всю жизнь навстречу к Маю
и не могу дойти никак...
И обелиски, монументы
отчётливей весной видны,
мне не вплетать цветные ленты
венками в праздничные дни.
Признаюсь, по душе мне осень
за скромность, хмельную красу,
но если откровенно спросят-
Я в детстве потерял весну!

**Я часто бываю на своей Родине,
в селе Старосолдатское Тюкалинского района.
В центре посёлка, у старого здания
военкомата, в скверике стоит обелиск.**

ОБЕЛИСК

Дом кирпичный,
старый- в окнах пыль!..
(был когда-то он военкоматом).
Рядом – скверик.
В нем белеет шпиль
obeliska ... (Список павших...
Дата...)
Как во сне, рукою по лицу
провожу, припоминаю годы:
сорок лет мне,

тридцать лишь отцу...
Старше я ?—
и непонятно вроде...
Щеки запылали,
вдох притих...
...Вспоминаю детства
мир огромный:
суп ел с лебедой...
и чёрствый жмых...
запрягал свою Буренку в дровни.
Собирал на поле колоски...
с дедом ставили снопы в суслоны...
Усмехался дед:
"Зажмем в тиски
все вражье —
картечью их каленой!".
Но однажды - не забыть лица
почтальонши,
постучавшей в двери
с похоронкой...
...Горю нет конца...
-Хочется, как прежде,
ждать и верить.
...И к подножью
наклоняясь низко,
землю я беру
под обелиском —
вместо той,
не взятой мной с могилы-
на чужбине,
где отца убили.

Глава вторая. СВЯТОСТЬ

НА КЛАДБИЩЕ

Каждую веточкой, каждым листком
хочется дереву
мне рассказать о своем, о былом-
что и не велено.
... Всюду кресты, с края поля- новей,
здесь- вперемешку...
Ближе к середине- гнилее, черней...
мучаюсь грешный.
Думаю я, напрягая свой мозг:
«Что за фамилии?..
Что же за люди?...».
Забыть как я мог-
знал ведь по имени.
Сельское кладбище...
Тишь... Синева...
Птички чирикают...
Кругом кружится моя голова
в скорби великой!
Светом несчетных туманов, дождей
память оплакана...
Дерево каждую веткой своей
шепчется ласково.
Вот почему даже малым листком
хочется дереву
мне рассказать о былом, о больном,
что и не велено.

ПОГОСТ

В роще- кладбище и церковь,
на надгробьях- имена...
Даже солнце в листьях меркнет,
и немеет тишина.
Низко голову склоняю.
Лица близких вспоминаю...

* * *

Тихое кладбище в поле
с рощицей старых берёз.
Рядышком с ним,
на приволье,
чистый,
зеленый овес!
Серое небо неслышно
сеет дождинок пыльцу,
ветки развесисто дышат
паром...
и жмутся к лицу.
Изгородь поразвалилась,
сырость сквозит из кустов...
Всюду могилы...
могилы...
стойбище мрачных крестов.
Надписи долго читаю:
сколько знакомых имен!
Лица встают,
оживают,
движутся с разных сторон...
Сколько мне раз поклониться
душам из небытия?
Господу богу молиться,
жаль,
 не приучен был я.
Тихо над вечным покоем,
тихо и горько
до слез...
Светятся давнею болью
черные шрамы берёз!

* * *

Без тебя на белом свете, мама.
стало сразу пусто и темно.
Память бьёт в виски, зовёт упрямо
заглянуть в разбитое окно.
Над избою мрачные деревья,
рядом опрокинутый плетень...
- Кто теперь мне душу обогреет,
кто вернёт тот давний, ясный день?!
Жаворонки в небе замолчали...
Вот и кладбище. Вокруг- кресты...
На коленях я стою в печали
у оградки, где осталась ты.

* * *

Снег в пахотный клин намело,
на ветках берёзки – иней!..
Как в чёрно-белом кино,
два цвета рисуют снимок.
Берёзы- белее белил!..
Пахота чернотою разлилась!..
На два цвета мир поделил
этот день на родных могилах.
Глажу ладонью кору
белую- в чёрных шрамах!..
Знаю: когда я помру-
вечно буду рядом с мамой!

НОЧНАЯ ГРОЗА

Гром разразился майской ночью
и долго длился страшный гул,
Он с перекатами так мощно
лес сотрясал,
и в тьме тонул.
Грозу я слушал, как впервые,
и, сжавшись весь, не смел постичь
небесной силы позывные,
Природы тайной дикий клич.

БЕРЕЗОВЫЙ РАЙ

*Здравствуй, святая обитель!
Мой не заслуженный край.
Внукам моим сбереги ты
этот берёзовый рай!..
Блеск многоцветный, осенний
красит леса и поля.
Мне бы немного везенья,
разве бы горился я?
Вечер неслышно стекает
с веток, темнеет трава...
Озеро в блесках мерцает...
В небе – простор, синева...
Родина!
Свет предзакатный
неомраченного дня
в душу пожаром мне катит,
ты – Божество для меня!*

ДОМ КУЛАКА

То берёзовые рощи,
то осиновые
обступают путь-дорогу с двух сторон,
деревушки –
то Солдатка, то Совиновое...
А над ними стаи черные ворон.
На отшибе грива чудная – Копытиха –
разметала золотистые хлеба,
дом стоит один – калека недобитый,
а над ним преданий тайных короба!
В тех тридцатых, распроклятых, по Сибири
раскулачивали всех середнячков:
дед мой, Павел, не носил одежды в дырах,
был зажиточнее многих мужиков.
Меньше спал, вставал до зорьки с петухами,
сильным был, хозяйство умно вел:
раньше сеял, раньше жал, -
но с потрохами раскулачили его –
в тайгу ушел...
Дом его перевезли вот на бригаду,
и порою, на охоте, я здесь спал,
на полатях и на стенах я разглядывал
знак родства – наследство мне он завещал!
Бревна в стенах толщины-то необхватной –
прилегают друг на друга без щелей...
Говорили: дед мой был с хорошей хваткою,
мастерить любил,
любил детей, коней.
Памятники, как обычно, мертвые,
этот дом особый – он живой!
Снова я на Родине,
и черточки
оживают старины былой.

МАЙСКИЕ ГРОЗЫ

Разыгрались майские грозы
над лугами, залитых водой.
Раскачались со свистом берёзы
с неокрепшею, тонкой листвою...
Не гляди на меня так тревожно-
я прикрою от ветра тебя...
Машут ветками робко берёзы,
и в вечернее небо трубят.

* * *

Зеленым ковриком весна
полянну принакрыла.
Стройна берёзка, как княжна,
что в майский луг вступила...
Зовут на бой тетерева
и бьются на поляне,
и распускают веера
хвостов, в бровях — багрянец!
На плесах розовый закат
расплескан резвой рыбой,
и чайки радостно галдят —
богатой будет прибыль!
Мне мнится сеть и наплава,
их дрожь на светлой глади...
Все шире, выше синева
в просторе неоглядном.
Но коршун медленно плывет
над луговым простором.
Вот сложит крылья, упадет —
и стихнут птичьи хоры.

* * *

Мне ветер волосы полощет,
и я зарю обнять готов...
Одна берёзовая роща
качает тысячи листков!
Невесть откуда запах мяты
пахнул в лицо,
и я смотрю
в простор зеленый,
необъятный,
на эту светлую зарю!
Я гривой этою доволен
и с ней навек дружить готов —
одно волнующее поле
из тысяч спелых колосков!
Вмиг
коршун замер над поляной,
крыла сложил —
и камнем вниз!
Неужто мир меня обманет
и в пропасть оборвется жизнь!
Вот затуманенное солнце
прорвалось из-за облаков —
один желтеющий подсолнух
сияет сотней лепестков!
Я,
набродившись вдосталь,
лугом
иду дорожкой травяной,
а солнце вверх скользит по кругу,
приподнимаясь над горой.
Светлеют в рощице деревья,
все тише шум моих шагов...
А вот и на бугре деревня,
а в ней всего-то пять дворов...

* * *

В осенний сумрак,
злую грязь
с небес слетела лихо вьюга,
и белым светом занялась
под утро вся моя округа!
Забинтовались пни и рвы,
запеленались лес и речка.
И столько неги,
новизны —
но разве снег тоску излечит?
Пройдусь по первому снежку
он влажен, мягок и приветлив,
но ничего он не ответит
на то, что в мыслях ворошу.
И только след, -
что мной проложен
в пустынный лес,
подскажет мне,
как одинок я...
Как тревожен
рассвет в родимой стороне!

НЕПРОШЕНАЯ ГОСТЬЯ

Зеленая берёзовая роща
качает в ветках сотни черных гнезд...
Грачи взлетают и крикливо ропщут,
и чем-то озабочены всерьез.
Внизу овраг, заполненный водою,
заросший камышом и тальником,
и в нем лисица шкуркой золотою
мелькает, замечая след хвостом.

ПОДСОЛНУХИ

Я вышел на ували ахнул:
внизу, меж согрой и рекой,
оранжевым ковром распахнут
луг детства, близкий и родной.
Цветут подсолнухи! Их — тыщи,
светясь лучами золотыми,
напомнили, как в годы нищие
мы их за пазухой носили...
И, как тогда, опять с пригорка
из-под руки гляжу в луга
и вижу четко дым прогорклый
и огненные облака!
Я вижу: вдаль идут солдаты,
пыль за телегой, там отец...
Позднее с фронта лист проклятый,
как света белого конец.
Но нет конца. А в небе ясном
курлыканье, и луг цветет...
Родимый край приветлив,
ласков,—
любая боль в нем заживет!
И сердце с нежностью забилося,
в поклоне головой клонюсь,
от предков набираюсь силы
и старой славою горжусь!
Ведь это поле, лес,
речушка от деда, от отца — мое!
Любая здешняя частушка —
моей поэзии родство!

* * *

Жизнь проклиная и бичуя,
ты по земле родной кочуешь:
Пора одуматься,
осесть,
врасти корнями только здесь,
где жили предки сотни лет
и где берёз родимый свет!
Где сеяли,
детей растили,
справляли свадьбы золотые.
Жаль —
нет в краю теперь невест,
дома пусты,
в воротах —
крест.
На окнах битых и пустых
из грубых досок —
те ж кресты!..
И только живы две избышки,
в них одинокие старушки...
Поля,
заросшие бурьяном,
еще зовут на зорьке ранней...
И вот стоишь в раздумье ты,
жизнь проклиная и бичуя,
ты бросил край родной,
кочуя.
А возвратился —
лишь кресты!

* * *

Музыку осени в ветках берёз
слушаю с трепетом.
Запах полынный, горький, до слёз
выплеснут ветрами.
Листья, сорвавшись, под ноги летят,
полуживые,
но почему же печалят мой взгляд
дни золотые?!
- Золото! Золото!- осени клад
выстлал дорожки...
Но почему же себе я не рад,
что так тревожит?
Долго по лесу кружу я и пью
чудные запахи,
ветки деревьев поют и зовут
музыкой Баха!
В небе бескрайнем по ветру скользят
белые стаи,
музыкой вечною крики летят,
нас настигая!

* * *

Занепогодило... Занепогодило...
Невидно солнышка давным-давно.
Тоска- печаль плывёт над милой Родиной,
слетелось стаяй чёрной вороньё.
Безлистой осенью дышу, как дерево,
я под берёзою сажу- сам бел.
Храню завет!- душа не разуверилась,
хоть тяжко жить, и «крестный ход» назрел.
Я «вёдро» жду!- не торопя синоптиков,
вслед за ненастьем- солнышко взойдёт...
Ну, а пока, пылят дожди из облака...
Хлеба поникли... и туман ползёт...

* * *

Мычит телок в рассветном поле
под крик веселый
пастуха.

Берёзовый
безлистый колок
угрюм...

— Какой дурак пахал?

Нещадно будоража корни,
их резал плуг...

Стволы дрожат...

Себя клочком тем не прокормим,
земля не хочет хлеб рожать!

Гляжу со злостью я

и гневом:

— О, бедная моя земля,
под деревенским чистым небом
растерзанной лежишь,
пыля!

Лужайку, тропки запахали —
вокруг деревни пахота,
стал черным луг,

и меркнут дали...

От пыли,

гари — духота!

А где-то вместо ржи на гриве
трава растет, осот большой...

Зато с трибун кричит в надрыве:

«Дай целину!..» — мудрец иной.

О Родина моя родная,

доколе мужику тужить?

Ведь часто, святость попирая,

дурак лихой мешает жить

Глава третья. ВРЕМЯ И ЧЕСТЬ

В небе мглистом
штормит,
что ни день, то беда:
недороды, пожары, раздоры...
И притихли деревни, грустят города,
Даль грозит недоверьем, позором!
О великая Русь! Сказочная страна,
ты издревле сильна и богата,
ты сегодня больна
тебе помощь нужна –
где же прежняя вера и святость?
Сумерки по полям ошалело ползут,
укрывая пустые просторы,
и в потемках свистит сыромятный кнут:
вижу -тройка взбирается в гору...
Не сорваться бы в темный, глубокий овраг,
где схоронит нас лютая вьюга...
Если выдюжим:
 беды отступят, как враг,
и пойдем мы весною за плугом...
С запрокинутым взором Россия лежит
на морозных снегах,
 в тьме безмолвной.
Кто восстанет сегодня,
поднимет твой щит
над толпой возмущённой, голодной....
Всюду мафия, рэкет- грабёж...
Олигархи командуют властью...
И народу уже не в терпёж
от насилья, звериной напасти....
...В небе мглистом- штормит,
что ни день, то беда,-
и когда же настанет он, - продых?..
Сколько можно еще нам
в потемках блуждать?
Разве эту мы ждали СВОБОДУ?..

* * *

Тяжко мне...Не успеваю

за событиями следить...

Ходит шатко жизнь по краю
и долдонит: «Быть, не быть?!..
Каждый день событий ворох
трудно все предугадать,
что ни тема — сразу ссоры...
Даже начали стрелять!

Танк на площади скрежещет
растирая в пыль асфальт...

Здесь и там кричат зловеще,

прославляя вновь диктат.
Демократию творили,
проклиная сталинизм,
и свободе дали крылья...

Но свое диктует жизнь.

* * *

Привокзальная площадь...

Вот нищий с сумой,
слепой баянист вальс играет,
мальчик с нечесаной головой
в шапку рубли собирает.
Мальчик, зачем они, эти рубли,
на них даже хлеба не купишь,—
как листья сухие, что в кучку сгребли,
они — как голодному кукиш? ...
Кто-то под музыку пьяно запел,
качаясь,
пускается в пляс.

Собрался народ.

Шутят: «Во, опупел!..»
У бабушки слезы из глаз.

«ПРАВДА»

Слово «правда», и только –«правду!»-
я вносил в заголовки страниц...
И стихи, вылетая и радуя,
были очень похожи на птиц.
Что им надо?
Синь неба да ветер.
Ввысь взлетая, играя крылом,
уносили меня в быль и небыль...
Возвращался на землю с трудом.
Но теперь – в дымах низкое
небо,
и «неправда» всем правит вокруг.
И в глазах моих, знойных от гнева,
то – печаль, то – смирение
разлук.
Зло и нечисть по улицам
бродят,
мутят прихотью души
людей...
И, сдвигая морщинисто
брови,
не пою о любви я своей

* * *

Снежком с утра запорошило

продрогшие насквозь поля.

Не спрятать грусти,

словно шила

в мешке,

глаза мои болят...

Снег ослепляет белизною

и мучит чистотой до слез.

Дорожка светит бороздою
среди пышных, в инее, берёз.

Белым – бело.

Пустыня жизни...

Я сам притих, как в землю вмёрз.

И размышляю с укоризной:

А до приюта

- сколько верст?

Где он, предел

тревогам, мукам,

на этой стынувшей земле?

И взгляд опять печали мутят,

как ты того бы ни хотел. ...

А лес красив

и не заслежен,

и небо в дымке голубой!

О, край родной -

не жил я,

не жил...

Как мы

расстанемся

с тобой?

* * *

Россия моя,
ты в разрухе, остуде
опять призываешь из страшной ночи
к терпению, согласью...
О добрые люди,
когда нас история будет учить?..
Живем в вечном страхе —
от боли до боли:
Чернобыль, Армения,
следом Уфа...
А вот перестройка...
Народ подневольный
воспрянул свободно —
и снова туфта!
Мордуют реформы...
Шараханье власти...
Пустеют прилавки,
а цены растут...
Бунтует нацизм,
и звериные страсти
на смерть и позор одичавших зовут
. Осетия, Грузия —
дымы и взрывы,
и корчится в муках давно Карабах!..
О, сколько же, Русь,
этих гнойных нарывов?
Зловонием смертным простор твой пропах.
Я молча скорблю и молюсь неумело
за грешные души,
за светлую даль,
я в этой борьбе, признаюсь,
не у дела.
Армян, ингушей -
всех соседей мне жаль!

* * *

Горек августовский путч

вместе с летом уходящим.

ГКЧП был невезуч?..

Но возмездие —разяще!
Белый дом торжествовал,
охраняемый Россией,—
кто-то встал на пьедестал...
тех врагами окрестили...
Кто раздавлен, недвижим
там, на площади бурлящей?
Имена их затвердим,
как героем» настоящих!
Горек августовский путч
среди разрухи,
обнищании.
Белый дом,
как яркий луч,
дарит людям обещанья!

* * *

Луна
высвечивает возле ряма
поляну, что безлика и пуста.
Палатку ставим...
Весело, упрямо
горит костер у стылого куста.
Туман с болота
сыростью доносит,
с деревьев осыпается листва...
Трещит костер, валежника подбросив,
готовим ужин —праздничны слова!..

* * *

С утра сомнения беспокоят

и сводят к вечеру с ума,

пожалуй,
 время уж такое —
в себе самом
 сплошная тьма.

И что ни день,
 то перемены

правительств,
судеб и границ...
И мнится всем во всем измена —
не узнаем родимых лиц!
По стенам дома шум долдонит,
а в окнах призрачный закат,
пожалуй,

 время уж такое,
да и возврата нет назад.
А впереди открыты пасти
пустых прилавков
и ларьков...
Какие нам еще напасти
готовят козни дураков?..
Жратва дороже денег стоит,
лишь грош —
 достоинство и честь!

Наверно,
 время уж такое...

И кто мы в этом мире
есть?

* * *

Ширь озерная раздвинулась
до предельной
той черты,
где синь неба в воду кинула
свет хрустальной чистоты!
Я смотрю вокруг
встревоженный,
мест родных не узнаю:
где деревне быть положено —
только тополь на краю.
Бугорки за ним да ямины,
сваленный в траве забор...
Ах, душа моя упрямая,
что увидела в упор?
Давней- улицей-дорожкой,
меж крапивы,
конопли
прохожу,
как
огорошенный: —
Эх, вы,
люди, как смогли
распроститься с этим озером,
неоглядной синь-
водой,
с этой гривою
березовой
и небесной чистотой?
Смутной горечью
охваченный,
я невесть куда иду,
в край иной —
переиначенный,
сердцем
чувствуя беду!

* * *

Давно пора нам троны сжечь —
греми эпоха!..
Замри, замри, пустая речь,—
от слов оглохли.
И руки просят землю,
плуг —
они отвыкли
хозяйничать...
Вершил все плут
да в морду тыкал.
Пора делам,
сердцам пора
объединиться.
Довольно,
кончена игра,
добрееют лица...
Мой двор с берёзкой белой в нем
с утра приветлив,
и я вхожу в свой новый дом
с улыбкой светлой.
Мое!
Стена, и потолок,
и двери!
Ура!
Я в мир тревожный
смог
теперь поверить!
Ничье
ушло в небытие,
и безвозвратно!
Мое!..
Все кровное—
мое!..
Вот мой характер.

* * *

Шкурой ощущаю я,
затылком
всю вину на собственной спине...
В поле сиром,
с кукурузной былкой,
зимушку встречать предстало мне.
Здесь,
в лугах,
под осень цвел подсолнух,
не дозрел,
но силос был хорош...
Не запасся семечками,
олух,
в магазинах,
в складах —
пусто сплошь.

Вот щелкал,
поплеывал бы в волю.
хоть одна отрада бы была...
Пролетает снег в пустынном поле,
луговая даль уже бела!
И грустят в кружке березы молча —
ветер оборвал им рукава...
Помню,
как они июльской ночью
мне шептали дивные слова!
Там, в ветвях,
пронзительно кричала
иволга,
мол,
жди,
идёт беда...
И беда пришла.
Свистят печали
надо мной-
не скрыться никуда!

* * *

**Ощущаю сердцем,
чую кожей:**

наплывает,
исподволь грозя,
ни на что другое не похожая
страшная,
кровавая гроза!

Вижу,
как глаза горят от гнева
у измученных бедой людей,
и не гром уж катится по небу:
выстрелы гремят среди ночей!
Лбом в стекло оконное вжимаясь,
молча в небо звездное гляжу.
Кто мы?..
И за что судьба такая
выпала?..

Ответ ищу, ищу...
Город спит в ночном бреду тревожном.
Все мрачнее,
тягостнее сны!
Разве эта месть была возможна,
как проклятье злое сатаны?
Вот грузин не ладит с осетином...
На евреев вновь пошел погром...
А когда-то были все едины,
и страна была —
всеобщий дом...

Ощущаю сердцем,
чую кожей
скорую гражданскую войну.
О стекло стужу лоб,
слыша с дрожью
близкую мне
общую вину.

* * *

Жить нетерпимей все в городе:

есть нечего, нечем дышать...

И вновь о деревне, о родине

я начал в ночи вспоминать.

Зеленое майское царство

полей и берёзовых роц!

Саранки, язычки

лекарством

глотаем...

Хорош всякий хвощ!

А в речке плывут между льдами
сладчайшие чудо- бобы...

Мордушки полны карасями...

И первые в роще грибы!

В военные годы не сладко
жилось —но был свой огород,
скотины и птицы в достатке
в подворьях...

— А город что ждет?

Что дал мужику он на долю.

чем нынче и сеять, и жать?

Мы все из деревни,

из поля

стремились когда-то сбежать.

Пора бы домой возвращаться,

и родина, верно, простит...

Мы в поисках лёгкого счастья
ей делали столько обид.

верно, простит...

Мы в поисках легкого счастья
ей делали столько обид!

РОССИЯ, ВЕРНИСЬ КО МНЕ СНОВА

Я помню войну-
а мне было шесть лет:
весной, деревенской дорогой,
израненный с фронта вернулся сосед-
лицо все в рубцах и ожогах.
Без глаза (с повязкой), хмельной чуть,
небрит,
в шинели потертой, суровой,
пел нам под гармошку слепой инвалид-
«Россия, вернись ко мне снова...».
Я в школу пошел...
Не по-детски взрослею...
Мне — девять... Познаю горечь, беды.
И вдруг — «похоронка». Отец не успел
дожить всего год до Победы.
Мать плачет, обнявши троих нас, сирот.
Пес воет надрывно, протяжно...
В ограде мгновенно собрался народ,
сует кто-то хлеб — теплый, влажный.
Сгущается тьма...
Ночь настанет вот- вот...
И тут под гармошку, в полслова,
запел инвалид у соседних ворот-
«Россия, вернись ко мне снова...».
...Ах, жизнь моя тяжкая!
Столько стерпел
пока не закончил я школу.
Да, много работал и мало так ел,
почти не бывая веселым.
Любил на озерах встречать я рассвет,
а вечером песней знакомой
лечил мою душу подпитый сосед-
«Россия, вернись ко мне снова...».
То горькое детство со мной навсегда,
я вырос, и в жизни жестокой

терял я Россию не раз - и тогда
той песни мне слышались строки.
Была «перестройка», Афган и Чечня...
Мне нищенкой снилась Россия,
и в снах задыхаясь от дыма, огня-
душа моя к Богу просилась.
В спецовке армейской «афганец», в очках-
незрячий, коверкая слово,
на площади пел под гитару в ночах-
«Россия, вернись ко мне снова...».
Я многое в жизни свершил и постиг:
есть дом и жена, сын и дочка.
И счастлив я с ними, светлеет мой лик.
И рано еще ставить точку.
Но улица – та же, и сердце- болит,
ведь жизнь, как и прежде, сурова...
В груди моей струйкою крови звенит-
«РОССИЯ, ВЕРНИСЬ КО МНЕ СНОВА»

* * *

Россия! Славная! Восстань
из лжи, из нечисти, раздора...
Сочится кровь из многих ран,
беда- к беде, за ссорой- ссора.
Кричит с мольбой к тебе Чечня:
«Братоубийство...Разве можно?».
И месть- за месть, вражда- резня.
И страх, с мурашками по коже.
Россия, гордая, верни
спокойствие, надежду людям!
И святость в душах сохрани-
и мы счастливыми все будем.

Я В ГОРОДЕ СКУЧАЛ

Через ночь дорога пролегла...
Вызвездило и похолодало...
Огоньки знакомого села
на ночлег манили, как бывало.
Только некогда передохнуть,
и гудит мотор, свистят колеса...
Близко в небе вьётся Млечный путь,
полумесяц- словно знак вопроса.
...Вот озёрный рям, камыш, причал-
как я в городе без вас скучал!?

* * *

Утро зеленое в речку глядит
святочной радостью!
Солнце над лесом похоже на щит
с алостью благодной!
Маковки в росах раскрылись едва,
чудно сверкая!
В ветках берёзы трепещет листва,
ввысь устремляясь.
В веточке каждой,
в овале цветка —
свет совершенства!
Вот заиграла лучами река —
в блеске блаженства!
Мир целомудренный
в рай чистоты
вновь приглашает...
Я бы хотел быть слугой красоты,
её глашатаем...
Я бы хотел охранять неба синь,
вечность венчая...
Я возвратил бы на землю богинь,
в мир изначальный!
Нежно на солнце трепещет листва
в блеске зеленом —
цвет непорочности,
цвет естества
в мире влюбленном!

МАЙСКИЙ ГРОМ

Я видел неба глубину,
когда меж облаками,
натягивая тетиву-
весна гудит громами.
-Ах, первый гром,
весёлый гром
в счастливом небе голубом!!
**Истосковавшись по теплу,
деревья тянутся неслышно
листочком каждым в синеву.
Берёзки откровеньем дышат!**
А синева сквозит, звенит-
простор небесный приближая,
и жаворонок в нём висит
как талисман родного края!
Люблю я неба глубину,
где тает облачко, как льдинка,
где гром, нежданно громыхнув,
исчезнет в шапке- невидимке!
- Ах, майский гром,
беспечный гром
в высоком небе голубом.

НЕПРОШЕНАЯ ГОСТЬЯ

Зелёная берёзовая роща
качает в ветвях сотни чёрных гнёзд.
Грачи взлетают и крикливо ропщут,
и чем-то озабочены всерьёз.
Внизу овраг, заполненный водою,
заросший камышом и тальником.
И в нём лисица шкуркой золотою
мелькает, заматая след хвостом.

* * *

**Даль, опрокинутая
с небом**

в озерной сини...

Журавлей далекий крик.

- Ах, где там,

где бы

мне разглядеть их поскорей!

Цветы склоняются в истоме,

разнеженные солнцем

майским,

а иволга в берёзках стонет

- лежу в траве я,

тихий мальчик.

Еще не мучимый судьбою,

еще и жизни не постиг,

я слышу небо голубое

- бездонный журавлиный

крик!..

ВЕСЕННЯЯ ЗАРЯ

Блеск зари...

На заливах и старицах

рыба плещется, утки кричат.

Слышу я, как листки распускаются

на берёзах, как травы хрустят.

Ещё выпадет злобный озимок,

льдом покроет ручьи и овраг,

но подснежник-цветок мой любимый,

на поляне сияет, как маг.

А скворец, чёрным фракком блистая,

как жених, над скворечней поёт...

Взмыла с плёса гусиная стая,

продолжая на Север полёт!

НА ОХОТБАЗУ

Кусты воровато глядят,
притаившись,
дождь липнет к лицу, дразня...
Дорога раскисла.
От грязи налипшей
ботинки, как двое щенят, -
скользят
и съезжают с дороги,
скулят и сопят в пузыри...
Рюкзак тяжеленный –
патронов в нем много,
на две-три удачных зари.
Один я бреду, скоро база,
а запахи трав и цветов
дурманят забытым соблазном –
как хмель отшумевших годов!
Берёзы все те же!..
О, радость тех дней,
где я пил майский сок
с такою истомой,
 усладой –
а где же дворы,
 ферма, ток?!

Деревни той нет и в помине,
вся база – два дома, сарай...
Дождь схлынул...И вижу я синий,
 озерный,
приветливый край.

ОХОТНИЧИЙ ДВОРЕЦ

Нарядный дворец:
разноцветные стеклышки,
в стенах мозаики радужный блеск...
Охотничья база сверкает на солнышке,
сзади подворья –
 роскошный лес.
А перед окнами,
 от калитки,
водный канал,
 где стоят катера...
Огромное озеро,
солнцем залитое,
сияет лучами сегодня с утра.
Егерь небритый,
в куртке зеленой
сети в охалке на катер несет,
на грядке с клубникою красной,
у дома,
лохматая псина покой стережет...
Баня...Гараж...
Для прислуги два дома.
Не база –
дворец для князей!?
Эта мне местность лет тридцать знакома –
здесь я ловил карасей.
Вон Усть-Логатка,
родня в ней осталась,
дальняя, правда,
 но все же родня.
На этом вот месте деревня стояла,
Тенисовка –
вон, в стороне, тополя!
Веселые улицы к озеру длились,

и там,
 где кончался забор-городьба,
 лодки-долбленки протоками плыли...
 охотились...
 Рядом гремела пальба...
 Нету деревни, лишь кладбище вижу
 за тополями, в бурьяне большом...
 Тех, кто разграбил дворы –
 ненавижу!
 Я говорю о былом, о больном.
 Нету деревни...
 А база сверкает
 в радужных стеклах,
 надменно глумясь
 над бедностью страшной родимого края,
 где юность когда-то
 моя пронеслась.

ТЕТЁРКА

На ветках приоткрылись почки,
 и зелень смутная сквозит,
 чуть наклонясь,
 тетерка квохчет...
 А на поляне пух летит.
 Она спокойно,
 горделиво,
 с березки смотрит на луга,
 и перья серые с отливом
 в лучах зари -
 как жемчуга!
 Внизу,
 под нею,
 бьются в парах
 тетерева – она глядит,
 как зорька ширится пожаром...
 Восходит день –
 кто победит?

ПОЗИМОК

Оттепель в обед двор почернила-
с крыши капала, светясь, вода...
Только в ночь опять пурга завывала,
застонали в небе провода.
Хлопья липнут к окнам, нависают
на деревьях- не видать ни зги.
Вышел я на улицу: в ней стаей
вертятся снежинки впереди.
Шлейфы меж берёзками в кружении
оттеняют чудо белизны...
Снег- всё гуще, и без сожаления
белит все проталины весны.

НАД ИРТЫШОМ

Берёзы островком стоят в воде.
Парит... И зеленеют смутно ветки.
Скользят казарки клином в высоте,
я слышу клич их в тишине
рассветной.
Горит костер, дым вьется в высоту.
Гудит буксир за поворотом дальним...
И чибис, кувыркаясь на лету,
кричит над луговиною зеркальной.
А солнца шар над кручей Иртыша
вползает в небо, ослепляя дали...
О чем, о чем печалится душа?
И почему в кустах снега не тают?..

СТАРИЧЬЕ

Столбы в обрывках проводов
встречают нас при въезде.

Бурьян да ямы –
нет дворов,

и не играют дети.

Два дома в улице пустой
без окон...

За оградой
погост, кресты...

Стою немой
от мыслей безотрадных.

А рядом вольные луга
и с синевой озера,

шумят листвою с бугорка
берёзки, с ветром споря!

За гривой рям – сосновый рям
с морошкой и брусникой!..

Старичье –

душу я отдам

за блеск природы дикой.

За твой нетронутый покой

в просторах ясно-синих,

за этот воздух неземной

чуть с горечью полыни!..

- Вы, люди с черствою душой,

во власти беззаконной

смахнули жизнь с земли родной,

оставив мне два дома.

Так пусть они в осенний час

здесь, на охоте вольной,

напоминают всякий раз

о нашей родословной.

* * *

**Государственный заказник –
лесостепь,**

меж озерами в низине
солончак...

Браконьерам можно руки здесь погреть:

птицы- тысячи,
отменный весь гусак.

Самый крупный –
что гумеником зовут,
утром гогот

наполняет тишь вокруг.

И приехал сюда первый секретарь
как хозяин,

как владыка знатный встарь.

В роще чистой, под берёзовой листвой,

стол сколочен на две дюжины персон,
печь- шашлычница с драконьей головой
пышет жаром,

и гудки со всех сторон.

На машине пять барашков привезли,

и казах уводит их

за дальний куст,
бочка с пивом, лед...

Овчарки очень злы:

десять ящиков коньячных стерегут...

Секретарь со свитой утром на полях
бьет непуганых, прикормленных гусей

и гремит вблизи за лугом «тра-та-тах»

- будет пир с охотой втрое веселей!

И свой первый тост поднимет секретарь
за природу, за раздольный этот край,
за обилие барашков и гусей

и за почести холуев и друзей...
Ничего, что хлеб не убран на полях
и кормов-то хватит лишь на пол зимы,
ничего что очень скудно в закромах,
будут тосты восхвалять:
«Какие мы!»
От коровки сотня литров молока,
у буренок очень впалые бока,
а бычок с привесом скудным – стыд и срам!
Нищ крестьянин –
отчего ж хвалиться нам?..
Эй вы, избы- развалюхи, вы, плетни!
Полусгнившие –
чего молчите вы?
Этот скотный двор без окон и дверей,
как ты терпишь глупость тостов тех людей.

ТЫ- ИСЦЕЛЕНИЕ МОЁ

Вновь горечи мои, обиды-
как искры, гаснут на ветру.
Знакомый лес- моя обитель,
я голову клоню к костру.
Полночный вздох!..
- В нём запах тонкий
травы осенней, камыша...
Крик одинокой перепёлки...
Туман холодный с Иртыша...
Мне утешенье и отрада:
палатка, лодка да ружьё.
... Охота!- большего не надо,
ты- исцеление моё.

ПЕРЕПЕЛЯТА

На поляне, клубникой богатой,
треск кузнечиков.
Сотни стрекоз...
Разбежались перепелята-
слышен писк их у дальних берёз.
Меж цветов и травы непролазной
малых птенчиков как рассмотреть?
Мать кричит: «Где ж, проказники?».
...То- взлетит, то - садится на ветвь.

ОХОТНИЧЬЯ ТРОПА

Закат догорает...
Я слушаю звуки
лесные в сосновом бору.
Иголки мне тычутся в тёплые руки,
я шишки в ладони беру.
Как пахнет смолою, озоном и мхами-
как дышится грудью легко!
Сажусь на пенёк, в полутьме отдыхаю-
идти мне ещё далеко.
В медвежьем логоу у затерянной речки
избушка давно меня ждёт,
и там из трубы
дым струится колечком-
охотник Федулыч чай пьёт.

ОХОТНИЧЬЯ ЗАРЯ

В полнеба разлилась заря,
и лес звенит от пробужденья!
Я сам- спрессованный заряд!..
Я - тетерев в любовном пенье!
В кустах еще дымят снега,
а с края солнечной поляны
блестит подснежников гряда
и ароматом нежным манит!
Ковер игольчатый
 травы
зазеленел в лучах апреля,
а почки ждют своей поры –
в тепло не очень веря!
И жаворонок в небесах
звенит,
 звенит влюблённо,
малиновка поет в кустах
над речкой ослепленной!
И как здесь свежестью такой
не надышаться,
 не напиться!?
И с посветлевшей головой
в берёзку не влюбиться?!
«Чув-ши!..» -
кричат тетерева,
и в парах бьются на поляне...
Пляши!..
 Свисти!..
 Рождай слова!..
 -Пусть выстрел твой
не грянет.

Глава пятая. ВЕСЕННИЕ РАССВЕТЫ

ВЕРБНОЕ

В своем лесу, в своей избушке,
среди своих родных берёз
я низко кланяюсь кукушке,
что мне “ку-ку” поет всерьез!..
Лес все заметней зеленеет.
Хотя лежит в овраге снег,
но день просторнее, длиннее...
И слышен в поле скрип телег.
В своих краях, в своей деревне
и солнце светит веселей!
Свет желтой ивушки- царевны
от ярких почек - золотей!
Чту “вербное” - весенний праздник,
и на душе опять светло.
Пусть нас с тобою нынче радует
природы вечной волшебство!

* * *

Пойма Иртыша. Лес...

Ежевика

в глубине роскошно так цветёт,
на больших листах играют блики,
иволга загадочно поёт.

Папоротник с головой скрывает,
прячет мох лосиные следы...

По тропе звериной я плутаю-
а они ведут все до воды!

* * *

Утро зеленое в речку глядит
святочной радостью!
Солнце над лесом похоже на щит
с алостью благодной!
Маковки в росах раскрылись едва,
чудно сверкая!
В ветках берёзы трепещет листва,
ввысь устремляясь.
В веточке каждой, в овале цветка –
свет совершенства!
Вот заиграла лучами река –
в блеске блаженства!
Мир целомудренный
в рай чистоты вновь приглашает...
Я бы хотел быть слугой красоты
или глашатаем...
Я бы хотел охранять неба синь,
вечность венчая...
Я возвратил бы на землю богинь,
в мир изначальный!
Нежно на солнце трепещет листва
в блеске зеленом –
цвет непорочности, цвет естества
в мире влюбленном!
ЛЕСОСЕКА
Был отец мой дровосеком,
брал меня с собою в лес.
Помню я, как в лесосеке
на деревья, к гнёздам лез...
И журил меня отец:
«Не слети с ветвей, скворец!»

СОК ЗЕМЛИ

А лес еще сырой и черный,
но, согревая прелый лист,
веселый луч скользит на корни
- берёза трепетно дрожит.
А корни, словно щучьи спины
пятнистые, ныряют вглубь...
Поодаль светится осинник,
и горечь чувствую у губ.
Какой, не знаю,
час брожу я –
такая нега, тишина!
И непонятное волнует:
откуда столько сил, весна!?
...Вспухают почки,
расцветают
сережки в ивах над водой,
и сок берёзы проступает
из трещин,
 пеньясь над корой!!

ПОДСНЕЖНИК

Подснежник мой, тебе хотелось ласки,
ты распустил под солнцем лепестки,
но за ночь снег смертельной,
белой краской
опять прикрыл и травы, и кусты...
Берёзы индевеют, смёрзлись почки-
ты, словно чудо, гибнешь на снегу...
Мне кажется: Снегурочка не хочет,
уйти, ещё не ведая беду!..

* * *

Как стадо,
разбрелись вдаль облака
на догорающем
вечернем небосклоне...

За речкой,
в темной гуще лозняка,
в болоте топком
выпь ночная стонет.

Иду с ружьем тропинкой луговой,
густой туман
белесой пеленою

встает,
волною катит над травой
и лижется, как верный пес,
со мною!..

И неохота снять ружье с плеча,
я провожаю взглядом уток стаю –
иду я просто вечер повстречать
и потому сегодня
не стреляю.

Последний ветерок в листве утих,
все замерло,
лишь выпь неугомонна.
Природа входит в душу,
словно стих,
и мучает тревогою бессонной.

И нет покоя мне,
и не пойму –
чего еще теперь от жизни надо?!..
- Иду, как в юность,
в белую волну,
и льнет к щеке желанная прохлада.

НА РАЗЛИВАХ

Майский вечер освежает -
нежит губы, щеки, лоб...
В ручейке вода живая
о любви поет взахлеб

ВСТРЕЧА С БАРСУКОМ

Белые и черные полосы
к носу протянулись от ушей...
Юркнул в норку под кривой берёзкой.
Я дивлюсь на лабиринт траншей!
Поископана вокруг поляна,
свежий грунт... Вот старая нора...
- Как подземный замок ?
Очень странно...
Вечереет, мне домой пора.

* * *

Из сугроба, меж берёзок,
под веселый крик грачей
светлой струйкой осторожно
выплыл маленький ручей.
Робко булькает, чихает...
осмелел – пустился вскачь...
листья, ветки в нем играют...
чудится то – смех, то – плач

* * *

А день восходит,
полный синевы,
пыль солнечная вьется
за ветрами.
На бугорке – зеленый вихрь
травы...
И бабочка летит к оконной
раме.

* * *

Скучнеют сумрачные дали
в туманной дымке луговой,
над озеринкой прокричали
два журавля...
И вновь покой.
Так резко пахнет муравьями,
смородиной...
И чистый сок, хмелея,
пенится над пнями,
не принимая смерти срок.
Берёзы белые вповалку,
разрезанные пополам,
на лесосеке светят жалко,
пугая сумрак по кустам.
Пора домой.
Лесной тропею
идем сквозь тени напрямик...
Сверкают зубья предо мною—
пила,
как хищника язык.

ВЫГОРА

Здесь, помню,
были выгора:
весной вода их заливала
и рядом стадо отдыхало –
а осенью,
по вечерам
на плесах поджидая уток,
мы прятались в таловых прутьях...
Потом, уехав в институт,
я позабыл болотце это...
Прошло лет двадцать,
вновь я тут –
иду в зеленом царстве лета.
О боже! Что за волшебство?!
- Там,
где дымились выгора,
навстречу лес встает,
поет,
листвою солнечно горя!
В прожилках клейковатых листьев,
от бликов солнца и росы,
так целомудренно и чисто
сквозит иная жизнь весны!
Стою, смущен...
Прохладой веет
в тени больших берёз, осин.
Смешон, кто прошлое жалеет –
у будущего столько сил!
Заплачу – кто меня осудит?
Устал, а столь еще хочу!
За юность края – это чудо –
какой ценою заплачу?!

Я – ЧУЖОЙ

Я в лес вошёл—сплошная тишина.
Покачивает ветка мирно листья.
И лишь пчела передо мной одна
на маковке цветка нектар всё ищет.
Две- три минуты длилась немота,
лес очнулся, ожил :
Крик птичий, шорох с каждого
куста...
Да, я—чужой здесь,
а точнее—прохожий.

ЛЕСОСТЕПЬ

Здесь—осины, там—берёзы.
Синь... поляны меж лесов.
Остывает отсвет розовый
летающих облаков.
Островками перелески...
Лесостепь—
мой край прелестный!

ПО РАЗЛИВУ

Ах, Паисыч, как любили
край берёзовый с тобой!
Глубока твоя могила -
только ты всегда со мной.
Тюкалинский край приветлив:
плеск волны...берёзы дрожь...
По разливу в зорьке светлой
в лодке ты к сетям плывёшь

Глава шестая. ЛЕТНЕЕ РАЗДОЛЬЕ

Белопенная поляна
расцвела клубникой!..
Гром неожиданно сверху грянул-
травы враз поникли.
Зашумел по веткам дождь,
гвозди вбил в дорогу!..
... Молвит мама: «Дождалось
лето, славу Богу.
Значит будет урожай:
ягоды, грибочки...
Наберу тебе на пай-
лишь подлатать мне бочки...»
С сенокоса с ней идём,
голова не пряча,
умываемся дождём-
был денёк горячим.
Завтра в город уезжать-
жаль мне луг с речушкой,
и лесную благодать
с грустною кукушкой...

ОПЯТЬ СВЕТЛЕЮ ГОЛОВОЙ

Апрель извечно манит нас
проталинами, небом синим,
и чистотой девичьих глаз-
тех первых, так любимых...
Взгляни, как пламенем зари
зажглись на небе звёзды...
Вновь пробуждается в крови
желанье к дальним вёснам .
... Пью сок берёзки молодой,
целую вновь подснежник.
Опять светлею головой
и ощущаю нежность!..

ПОСЛЕ ДОЖДЯ

Дождь бил в лицо с порывом ветра,
с небес катился грозный гул...
Возле берёзы встал под ветви.
День летний в сумрак потонул.
Прошли минуты. Ливень схлынул,
скатились тучи за леса...
До блеска дождичек всё вымыл—
и капли всюду, как роса!
Вмиг солнце брызнуло лучами,
зацвёл и заискрил простор.
Очнулись птицы, закричали—
и в грудь мою вошёл восторг!..

ДОЖДЬ И МНЕ ЛИЦО ОМЫЛ...

Дождь летел, плясал и пел
меж берёз высоких...
Рад дождинкам чистотел
и овёс поблекший.
Куст смородины блестит
ягодой чёрной...
Чудо- радуга висит
в стороне озёрной.
Дождь и мне лицо омыл.
Солнышко вновь греет...
Жаворонок в небо взмыл,
рассыпая трели.

* * *

Два грача из старых веток
на березке строят дом.
Майский день над ними, светлый,
смотрит солнышком в гнездо...
Утомились... чистят перья,
к людям полные доверья!

ГРУЗДЬ

Не подберёзовик, не белый,
а груздь сырой- вот мой кумир!
Между полян с клубникой спелой
туман на зорьке лес прикрыл.
Пойдём , сестра, там, на увале
груздей сырых полным- полно,
да и волнушек там навалом.
Мне хочется туда давно.
...Лес пахнет ягодой- костянкой
и берестою, и дождём.
А грузди кучею, делянкой-
куда ни глянь, стоят кругом

ГРИБНИЧЁК

Тихо я бреду с корзиной:
вот обабок нахожу...
Белый гриб и подосиновик...
Вот в плотный лес вхожу.
Березняк- лишь листья, листья...
Шепчет мне вдруг грибочок:
- Что спешишь ты, оглянись же!..
-Ба, вот груздь, а вот- рядок!
Кучка к кучке, грядка к грядке-
(только листья приоткрыл),
словно бы играют в прятки...
Кто любовно их растил?
Уж полна моя корзина
и пора идти домой.
«Погоди»- бубнит мне в спину
грибничёк мой, домовой.
Что-то шепчет мне, бормочет,
водит по лесу меня,
отпускать никак не хочет...
Чем ему по нраву я?

ПОДБЕРЁЗОВИК

Раздвинув прелых листьев слой,
поднялся гриб и шляпкой светит.
Он, словно чудо предо мной,
и на опушке так заметен.

ЦАРЬ ГРИБОВ

Пробираюсь по болоту.
Впереди- огромный гриб,
шляпка с яркой позолотой,
по краям - слегка изгиб.
Подхожу, смотрю: гриб белый-
до чего ж красив, здоров!
И шепчу я: в самом деле-
настоящий «Царь грибов!».

ПЕРВЫЙ ИНЕЙ

На исходе сентября
инеем лесок припудрен.
В нём сверкает перламутром
охлаждённая заря.
На траве зелёной- блёстки
ослепляют новизной,
и смущают наготой
у дороги две берёзки.
На ветвях у ивы пух-
расцвели под снег серёжки!
Слышит вьюгу осторожный
напрягающийся слух.

* * *

Не доехав до деревни,
на краю опушки слез...
Не припомню я деревья –
был ли,

не был этот лес?

Вспомнил: кустики здесь были
и осинки вдоль тропы...

- А теперь,
скажи на милость,
вымахали, как столбы!

Вспомнил:

рядом с мелколесьем
две березки на бугре
нас манили птичьей песней
теплым летом на заре!
Лазить мы по ним любили...

Высится теперь одна –
да и эту надрубили!?

И корява белизна!..

Подхожу, ладонью глажу
шрамы черные в коре:

- Что, берёзка,

мне расскажешь

о прошедшей здесь поре?

Я охотником «бывалым»
в детстве шел своей тропой.

Был, как ты,

тогда я малым –

а теперь,

как ты, - седой!..

* * *

И вот уж лето на исходе
и разговоры о погоде,
и день и ночь гремит страда,
и медленней бредут стада...
Я – отпускник,
мне осень в радость.
Ружье, рюкзак – айда в леса!..
Смотрю на синий плёс с отрадой
и улыбаюсь в небеса!
В лучах зари шиповник жарко
блестит,
как раскаленный дождь!..
К березке тоненькой прижался
и слушаю Вселенной дрожь!..
Вверху плывет:
«Кур-лы, кур-лы»...
И мыши шелестят меж листьев,
и столько света,
 синевы!..
И все отчетливее мысли!
И жжет меня опять тоска
о днях,
потерянных напрасно,
и клич прощальный свысока
летит ко мне мечтой неясной?!.
Вот красный лист
 скользнул с осины:
«Так в чем я прав,
 а в чем повинен?!»
Лес тих –
он золотом оправлен.
Я думаю о самом главном...

ВЕДУ НА ПОЛЯНЕ...

Веду на поляне с берёзкой беседу,
ладонью касаюсь ветвей.
Чернея, в коре открываются беды-
я слышу дыханье корней!
И чувствую: время куда-то относит
поляну с берёзой, меня.
А в небе: « Кур-лы! ».
Золотистая осень
плывёт из холодного дня.
И сердце притихло...
Не дерзок я, беден-
как летний последний денёк.
Берёзку ласкаю, и долго беседую...
В ладонь мне слетает листок!

НЕОЖИДАННЫЙ ДОЖДЬ

Над берёзовым леском
прокатился с треском гром...
Следом капли застучали
по листве и по ветвям...
Под деревья с другом стали
и глядим по сторонам.
За увал свалилась тучка,
встала радуга- дуга...
От травы туман пахучий
катит волны на луга.
... Ветерок промчался- лих!
Дождь пофыркал- и затих.

В ДУШЕ РОЖДАЮ ЛУЧИК

Источник радости – я сам!
И сам- источник света!
Иду по льдистым берегам
осеннего рассвета.
Пусть резок ветер, морок пусть,
и дымкой даль затмило,
но в сердце- нежность, радость, грусть...
Мне всё в округе мило.
И этот голый березняк,
загон, изба у речки...
И шелест вербы- добрый знак
над маминым крылечком.
Да, чем ненастней в осень день,
и непроглядней тучи-
превозмогая тлен и темь,
в душе рождаю лучик
Он раздвигает серый дождь,
и освещает дали...
Мне с ним понятней веток дрожь
и птичий крик прощальный.

Глава седьмая. ИСТОКИ ПОЭЗИИ

Е.Е. Чащину

Родной край

Я спрашиваю у себя:
"За что люблю поэзию,
за что, так многое терпя,
в нее, как в дебри, лезу я?.."
Вновь за ответом прихожу
в край, что всего дороже,
в край детства,
где во снах брожу
без тропок, без дорожек.
Тот край я знаю наизусть,
ему мечтой обязан,
он для меня и дом, и Русь!
Я с ним навеки связан.
Был горек он от вдовьих слез
в дверях военкоматов,
я беспризорным в поле рос -
мать в том не виновата.
Я драл подошвы по лесам,
в озерах умывался,
как сказке, веря чудесам,
с которыми встречался.
Лес вел мне точный календарь,
луга цветы дарили,
мне песни пел свои глухарь,
сверчки во тьме светили.
Там в первый раз подслушал я
шептание трав и листьев
и подсмотрел, как у ручья
мышата зубы чистят.
А как завидовал птенцам,
поднявшимся на крылья!..
- Да, в том краю, конечно там,
свой первый стих открыл я.

* * *

Я болен и безволен,
и вечно чем-то недоволен...
Чем объяснить?.. Как разгадать?..
Как самого себя понять?..
Какая блажь в меня закралась?
А может просто я устал?!...
... Но нет!.. Опять вскипает ярость
в душе, и плавится в металл.
И недовольство, боль, сомненья
сметает вдохновенья бред...
И счастлив в эти я мгновенья
вновь народившийся на свет..
Я словно снова пробуждаясь
от сна, замкнувшего меня...
Любовь и гнев, во мне рождаясь,
плывут, потоками звеня.
За это миг, за миг единый
на белом свете стоит жить.
Что было мне не достижимо-
теперь могу я совершить!!.
... Когда же пережив волнение,
я отхожу, истерзан, в сон- я миру рад
с благословеньем, что этим чувством наделён.
Опустошённый и безвольный, не оттого
ли болен я, не потому ли недовольный-
что мало солнца мне и дня!!

* * *

Печальней не было и нет,
чем утра раннего ненастье,
когда осенний мутный свет
туманом может расплзаться.
Когда меж стынущих берёз
листва неслышная кружится
и под протекторы колес
на грязь сонливую ложится...
Не видно птиц, лишь дробный стук
о дятле мне напоминает,
да между веточек паук
знакомо сети расставляет.
Свежо...
Туман слоится в дождь.
А мгла, просторы заполняя,
в душе рождает тайно дрожь
с любовью к сумрачному краю!

НА ИСХОДЕ СЕНТЯБРЯ

На исходе сентября
инеем лесок припудрен...
В нём сверкает перламутром
охлаждённая заря.
На траве зелёной блёстки
ослепляют новизной-
и смущают белизной
у дороги две берёзки.
На ветвях у ивы пух-
расцвели под снег серёжки!
Слышит вьюгу осторожный
напрягающий мой слух!

ДА, Я - ОДИН

Я избегаю творческих дискуссий,
я не был членом СП
и литгрупп...
И не вхожу на паперть к Иисусу,
и не хваюсь, что есть особы друг.
Да. я один –
какие могут школы
зажечь в душе таинственный огонь?
Я перед совестью своею голым
всегда стою...
Других прошу: не тронь!
Отвечу за грехи свои, коль надо,
и кровью!..
Только, Боже упаси,
зачем признания мне и награды?
Я этот делал для святой Руси!
Я это делал исподволь,
невольно –
для тайных чувств судьбы на свет
нет!
Хотя и мне бывает очень больно
от множества непонятых мной бед.
Так жизнь устроена,
что мало солнца
иному –и не радуется весна,
когда в душе порой угрюмо,
сонно...
О, муза! Мукой
грешным ты дана!

О ВЕЧНОМ

Долдонят мне друзья кругом:

"Стихи про космос?! То – навечно!.."

Я соглашаюсь... Но молчком пишу о самом о простом – о теплоте сердечной.

О, звезды, звезды?! Славят вас, но жизнь бы враз померкла без света добрых, милых глаз, без любящего сердца.

Пусть небо в тучах, солнца нет, но не пугает вечер, когда пишу, как дорог свет любви, и как он вечен.

* * *

Неужели напрасны слезы мои, когда, стихами измучен, слышу, как ручейки крови, отзвенов, затихают в излучинах... Я шагаю по тихой поляне предосеннего теплого дня – пусть надежда на счастье обманет, только радость вселилась в меня! С ней светлей пожелтевшие травы, ярче поздние в росах цветы! Пусть стихи мою душу оправят цветом, жаром такой красоты! Пусть от запахов сердце заноеет, защемит сладким чувством в груди... Словно август, я хмелем настоян, не пугают ни хмарь, ни дожди!

* * *

Кружатся жернова
под ночным колпаком,
не зерно,
а слова
засыпаю тайком!
Что-то там перемелется,
не горчит ли мука?..
У меня ль,
у Емелюшки,
белый дым у виска?..
В облаках высеваётся
и не дождь,
и не снег.
- С чем же ты приближаешься,
двадцать
первый
век?!
...Вихрь над древнею мельницей
взмыл,
как атомный взрыв!
Целый мир перемелется,
кто останется жив?..
Кружатся жернова –
мы играем с огнем,
как полова,
слова,
если в чем-то солжем!
От полыни,
от хмелюшка
боль сквозит у виска...
- Только в лучшее верится
на года, на века!

* * *

Не знаю:

 может, я и счастлив —
ведь я любил,
 был сам любим?!

Вновь разрываются на части
слова, а мысли —
словно дым!
Живу в отличнейшей квартире,
под небом добрым,

голубым...
мне не хватает в этом мире
родства —и я иду чужим.
А без друзей тоска, что вечер,
ее и высказать нельзя,
ее забыть,
запить —
да нечем,
на водку не глядят глаза!
Сердца,

 хандрящие от скуки,
 и пульей можно излечить.
На разум не наложишь руки,
здесь нет дилеммы:

 «Быть — не быть?!»

Иному самоутверждение: семья,
работа да доход.
А я подчас до униженья
растрачиваюсь,

 словно мот.

Стихи -они во мне пожарищем
горят!

Душою я в -огне...

И без друзей, и без товарищей,
И ничего не жалко мне.

ПАИСЫЧ

Угрюмая темная вода
под низкой крышей снежной тучи,
на камышинке в сереге льда
высвечивает лучик!..

Вызванивают камыши
далекий посвист злой метели,
и лишь красавцы- крякаши
на юг еще не отлетели.

Да стайка белогрудых птиц
ныряет в ледяную воду,
похожих чем-то на синиц,
несущих снежную погоду,
...Светлеет темная вода,
в себя снежинки погружая,
пустынно озеро...

Едва

вдали я берег различаю.
Кряжист Паисыч – экий хват,
долбленку впереди толкая,
бросает мне веселый взгляд –
его я понимаю!

Он стар, и звоны камыша
ему любимей песни!..

Последний выезд, не спеша
веслом просторы крестит.

Бормочет что-то про себя
не верующий в бога,
и я, еще нежней любя
его, отстал немного.

Пусть поколдует, поворчит
на снежную погоду...

- Придется ль весла намочить
еще через полгода?!

ТОКОВИЩЕ

На синь воды слетает
от вербы желтый пух...
В тетеревиной стае
красавец есть – петух!
Он – токовик, он первым
к поляне подлетел
и, распустивши перья:
«Чув-ши! Чув-ши!..»
- запел.
И сразу меж деревьев
летит со всех сторон
таинственный и древний
тетеревиный звон!..
Слетевшись на поляну,
по парам здесь и там
пустились птицы в танец
- клич рвется к небесам!
Хвосты пораспускали,
крылами бьют –
лишь тронь...
Горит над бровью алой
воинственный огонь!

* * *

Даль, опрокинутая с небом
в озерной сини...
Журавлей далекий крик.
- Ах, где там, где бы
мне разглядеть их поскорей!
Цветы склоняются в истоме,
разнеженные
солнцем майским,
а иволга в березках стонет
- лежу в траве я, тихий мальчик.
Еще не мучимый судьбою,
еще и жизни не постиг,
я слышу небо голубое
- бездонный
журавлиный крик!..

ПОНОМАРИ

Мы вновь с тобой, Пономари,
-Мое лесное озеро!..
Лось рядом,
в отблесках зари,
блестит рогами грозными.
Виток оточенных мечей
к воде он опускает:
пьет медленно – и мрак теней
со дна к нему всплывает.
Прядет ушами...
Головой мотнул
и замер чутко!..
И, взглядом встретившись со мной,
стоял еще с минуту.
Потом – прыжок! И враз исчез,
треща вдали талами...
И снова тих прибрежный лес...
Ружье блестит стволами...
Пономари! Пономари!..
Мне доставляет радость
Стоять вот так в лучах зари
и пить твою прохладу!

ЗАВЬЮЖЕННЫЙ ЛЕС

Меня окружает завьюженный лес,
и лыжная змейка по снегу
ведёт меня зимнею сказкой чудес
в сугробы серебряной неги.
Куда ни посмотришь- искрит белизна,
знобящая свежесть простора,
а в ней чистоты неземной глубина...
И всё же душа с чем-то в споре

* * *

Что хотелось, то и пелось
просто так, вполголоса...
Не заметил: пришла зрелость,
серебрятся волосы!
Не хочу я краснословить,
воду в душу лить –
от частушек и пословиц
путь мне свой торить.
В свой талант пора поверить,
пусть мне не везло,
но зачем за плотной дверью
прятать барахло?
Брошу все! Пойду по миру,
ноги в кровь собью...
Обрасту... Блаженный, сирый
песнь свою спою!

ВОЗМУЖАНИЕ

В.А. Макарову, другу-поэту

Набитая рука...
Отточенное слово...
И рифма – так звонка!
И ритм – душой взволнован!
В стихию без прикрас
стремись, как в храм господний.
Люби, как в первый раз,
в полста – ничто не поздно!
Склоняясь головой
перед звездами ревниво,
в стихах Россию пой
без позолоты лживой!..
Как молнии, строку
пронзают биотоки.
Пусть жизнь неумога –
придут иные сроки!

Работа на износ

Да, каждый день, подаренный
судьбой
уходит в сумрак, к звездам
отдаленным...
Работа на износ – борьба с
собой,
и на душе – как в роще
оголенной.
Средь седины пролысины
видны,
и тени под глазами,
боли в сердце...
Страничкой улетают мои дни,
и все труднее радостью
согреться.

БОЖЕСТВО - ТЫ СЛОВО!

Кем я стану? - как уйду
в мир иной, нездешний...
Может звездочкой взойду
над землю грешной.
Может птахой прокричу
в рощице весенней...
Может облачком примчусь
из другой вселенной...
Кем я стану? Дать ответ
сможет только время.
А пока - гори мой свет,
сердце верой грея.
И пускай строка звеня,
дарит радость снова...
Я признаюсь, не тая:
божество - ты слово!

Глава восьмая. ОСЕННИЕ ПЕРЕМЕНЫ

ОСЕННЯЯ ДРОЖЬ

Слегли цветы, осыпав семена.
Шиповник красный рожицы мне корчит,
и жидкой грязи колея полна -
в ней два пера обшарпанных, сорочьих.
Дождь нудно третьи сутки моросит -
промозгли, почернели пни, коряги...
Лес каждой голой веткою дрожит,
и в сердце - дрожь...
И нету с нею сладу

* * *

Над деревней сумрачный покой,
словно вымерли в дворах собаки.
Глажу ствол берёзоньки рябой...
обнимаю...

хочется заплакать...

Я пришел сюда, на божий свет,
от голодной жизни, от разрухи.
Город обнищал: разут, раздет...
Вот чем обратилась показуха!
Я спешу в заветный дом,

былой,

верю в пашню и в леса грибные,
буду сыт морозною зимой,
буду весел

в праздники святые!

Грабили деревню
кто как мог,
за бесценок всю ее скупали:
госзаказ...поставка...
продналог...

растасшили,

все поотнимали.

Ни двора не видно,
ни кола,
и повсюду ветрено и голо...
Все, чем жизнь гордилась,
чем цвела -
черная корова заколола.

* * *

Клуб совхозный над речкою светлой.
Огороды вокруг, городьба...
И три тополя,
 статных, приметных...
Это многих поселков судьба.
За околицей — узкое поле,
здесь под вечер проходят стада,
а левее —
 луг длинный, привольный,
там повсюду стога и стога...
А правей,
 за берёзовой рощей,
пораскинулась грива с овсом,
ветер тучную ниву полощет—
зелень светится тихим огнем!
Пусто в улице.
Где старожилы,
чтоб спросить, может помнят,
 кто я?
Сколько б мы где-то в мире ни жили,
а вернемся в родные края.
Будут вечными небо
 и речка,
и тропинка в зеленых полях...
Снова
 травы раны излечишь,
дорогая моя земля!

ОКОЛИЦА

Улица заречная уходит краем в лес.
Дым из труб- колечками.
Ночью тихо здесь.
Чутко спит околица в сумраке берёз...
Небо, словно молится,
мигая сотней звезд!

ЯЧМЕНЬ

Заколосившийся ячмень
передо мною встал внезапно
и оживил забытый день,
и возвратил горячий запах.
Боготворю те колоски
в осеннем поле
неуютном,
которые домой несли
украдкой,
в раздумье смутном.
Война,
печали черный дым,
за что та горькая расплата?!
И даже став теперь седым,
мне хочется той болью плакать!
Благословляя новый день,
взошедший с мирною зарею,
боготворю тебя, ячмень,
покрытый чистою росой!
Мне жизнь полей мудрее книг
была –
в мозолистых ладонях
я доброту земли постиг –
прими любовь мою с поклоном!
И колосись вовек, ячмень,
той светлою памятью,
живою,
где каждый трудный
честный день
отмечен и моей судьбою!

* * *

Низкие тучки над лугом
сеют свинцовую пыль...
Мечутся чайки с испугом.
Резко так пахнет полынь.
Пахнет осокой и тиной,
дождик все травы полил.
Запахи лютика, тмина
в городе я не забыл.
Дышится полною грудью —
как я люблю тихий дождь!
Скоро пойдут уже грузди...
Заколосилась уж рожь!
Как посвежела клубника,
ведь отгорала она,
и под ногою,
взгляни-ка:
ягодка даже красна!
А в стороне,
под берёзой,
мокрые птицы сидят:
смокли, нахохлились грозно...
Как-то с опаской глядят.
Вмиг просвистел над поляной
сокол-малыш, пустельга...
Чавкает громко и странно
Грязь под пятой сапога.

ЗАСУХА

Май прошёл- и нет дождя,
никнут хлеб и травы.
Солнце жарит , не щадя
поле и дубравы.
Сенокосная пора-
луг желтеет, спёкся.
И в тени берёз – жара,
лист пожух, поблёкший.
Лишь пчелиный слышен гул.
Ветерок хотя б подул...

ПЕРЕД ДОЖДЁМ

Тучка холодом пахнула,
писк и крик с кустов смахнула.
Зашумела ветерком
над берёзовым листком.
Потемнел полдневный луг.
Слышен цокот- капель стук...

* * *

Царство лесное...Внутри озерко
с бликом рассветным.
Мне одиноко
и странно легко
в проводах лета.
К пристани тропка ведет в камыше,
еле заметна.
Тихо,
уютно с утра на душе —
кончилось лето!
Солнцем сочится
берёзы листва
в каплях росистых!
Как беспредельна вверху синева
осени чистой!
В синей пустыне,
в небесной дали
кликают стаи,
словно по морю плывут корабли,
белым блистая.
В царство лесное
зовет озерко
чаячьим криком...
Мне одиноко, приятно, легко
в сне полудиком. Сети
проверю, ущицу сварю
с перцем душистым.
Я одиночество боготворю
осени чистой!

БОЖЬЯ КРАСА

В небе распахнутом- синь, глубина!
Вечностью пахнет полынной.
Полюшко –поле, моя сторона:
клич журавлиный, былинный.
Тихая рощица светлых берёз
берегу дарит прохладу,
вновь ветерок запах мяты принёс
с луга- а луг, вот он, рядом...
Божья краса, ты во всём мне видна,
в зелень упал- и хмелею.
Божья коровка, очнувшись от сна,
крылья раскрыла, как фея!
И с рукава моего-фить!
- В полёт!..
Кузнечик над ухом стрекочет...
И жаворонок всё выше поёт,
его разглядеть- нет уж мочи!

НА ИСХОДЕ СЕНТЯБРЯ

На исходе сентября
инеем лесок припудрен...
В нём сверкает перламутром
охлаждённая заря.
На траве зелёной блёстки
ослепляют новизной-
и смущают белизной
у дороги две берёзки.
На ветвях у ивы пух-
расцвели под снег серёжки!
Слышит вьюгу осторожный
напрягающий мой слух.

В ДНИ ВОЙНЫ

Сруб в проулке стоял много лет,
был похож он на чей-то скелет.
Ветер в щелях свистел, ночью бревна
в темноте проступали, как ребра.
Кто проедет, пройдет - на углы
поглядит и вздохнет: эх, дела?!
И в конце уж войны, в злой мороз
разобрали, сожгли - те, кто мерз.
Через пять страшных, памятных лет
с костылем возвратился сосед.
Не сказал никому он в упрек -
ведь кого-то согрел огонек...

ОСЕННЯЯ ЗАРЯ

Туман крадётся на рассвете.
Роится мошек толокно.
В лицо холодный веет ветер,
а на лугах темным- темно.
Исчезло безвозвратно лето...
Последний лист слетает с веток.

Глава девятая. ЗИМНИЕ КАРТИНЫ

ИЗМОРОЗЬ

Выбелила изморозь
ветки, провода...
Мне знакома издавна
эта красота.
Снежный лес сверкает
пышной бахромой,
иней рассыпая
пухом предо мной.

ЯНВАРСКИЙ ВОЗДУХ РАСКАЛЁННЫЙ

Январский воздух раскалённый...
Мороз за сорок- прячу нос...
Как в новой, беленькой дублёнке,
мой город инеем оброс.
Кусты, деревья- в кружевах!
Зима всем дарит по обновке...
- Какие белые серёжки
у той вон, маленькой берёзки,
на загляденье: «Просто- ах!..»
... А окна- в синей поволоке,
на стёклах- чудные цветы...
И мнится берег мне далёкий
и милой девушки черты!

* * *

Обледеневшие ветви
белеющих в дымке берёз
качает пронзительный ветер,
что свист
дальней вьюги принес.
Снег тонкою струйкой змеится
по пашне,
 дороге,
 жнивью,
и первая в ветках синица
щебечет про радость свою!
Порхает,
 искрит,
 суетится
и сыплет на снег семена.
На холод не стоит сердится –
такие пришли времена.
Привет,
щебетунья родная,
мне песнею сердце согрей.
Пусть холод и снег налетают –
нам вместе с тобой
 веселей!

* * *

В поле за ночь
 выпал снег...
Вьется змейкою поземка.
Зябко сгорбясь,
 человек
вышел из дому в потемках.
Огородом, напрямик,
по тропе ему известной
многоопытный лесник
входит в мир свой интересный.
Брезжит розовый рассвет
на берёзках белоствольных,
заячий
пугливый след
белой строчкой вышел в поле.
Слышен дятла дробный стук,
где-то крикнула синица...
Лес за лесом,
 сделав круг,
обошел свои границы.
У опушки,
 на талах,
куропатки чистят перья...
- Вот кормушка,
 на снегах
след копыт –здесь были звери...
Возвращается домой
вдоль оврага
 чистым полем...
Снежной, теплою зимой
нынче он вполне доволен.

ЖНИВЬЁ И ОЗИМЬ

Жнивье и озимь!?- не сравнимы
два поля...
Словно две судьбы
глядят навстречу вьюжным зимам...
Шепчу: их вместе ты люби!
Ведь колосок румяный, жаркий
что светится сейчас в стерне,
нёс в детстве я домой подарком-
тогда отец был на войне!..
А озимь, первый снег встречая,
весенним светится огнём-
в нём юная любовь , святая
озарена далёким днём!..
Жнивье и озимь!?- это доля
избы крестьянской, всех забот...
Вот почему в осеннем поле
Моя душа мечтой живёт!!

СЛОМАЛИ ДОМ

Остались лишь ворота,
а на воротах чудо-петушок,
с таинственной, блестящей позолотой,
возносит в небо красный гребешок.
Расправив крылья, хвост слегка откинув,
в простор небесный, кажется, взлетит!
И оттого, что всеми он покинут,
вот-вот в пустой ограде закричит...

* * *

Прошла метель шальная
и выбелила лес.
Душа моя живая
и в холод ждёт чудес.
Трескучие морозы
в заснеженных лесах
мне подарили розы
на стынущих ветвях.
Любуюсь: как красивы
пушистые кусты
у ивушка сонливой-
и как они чисты!
Лес тих.
Застыл в дремоте
на ветвях холодок.
Скупую позолотой
окрасился восток.
Там солнышко несмело
над лесом поднялось
и в поле нежно- белом
огнями занялось.
И бледными лучами
засеребрилась даль.
А я брожу, скучаю-
и мне чего-то жаль.
Душа моя живая
и в холод ждёт чудес,
совсем не понимая,
что спит зимою лес.

ЗИМНЕЕ УТРО

Крик вороний – простуженный,
злой,
просыпается в зимней роще,
выплывая из дымки седой,
кружит в небе, на зимушку
ропщет.

ЗИМНИК

Через озеро, болотом
едем в санях мы по льду,
едем в согру на охоту.
Конь трусит так неохотно...
А в снежинке, словно в
льдинке,
– свет, похожий на звезду.

ЯНВАРЬ - ПРОСИНЕЦ

Засинело днём.
Берёзы инеем
принакрылись- сучьев не видать.
Санный след- две тоненькие линии,
и по ним мне хочется гадать.
В белизне светящейся, пушистой
не пойму: где поле, а где- лес.
Всё белым- бело.
Легко и чисто.
Просинец, ты родом из чудес!
Перелом зимы.
И тонкий запах
от полыни в воздухе повис...
Вот и след, чуть вдавленный от лапы-
это крался осторожный лис.

ДЕРЕВЕНСКОЕ УТРО

Луна да снег.
Вдоль речки избы дремлют.
Как выстрелы, потрескивает лёд.
Прояснило.
Дым вьётся над деревней.
Собачий лай... и говор... скрип ворот...
В сугробах лунных меркнут полутени.
Сгорает в небе бледная звезда.
Вот первая сорока пролетела...
И стук пещни -
и звон кусочков льда...

СТРАННАЯ ЛУНА

В небе меж тучками вышла луна
и осветила речушку до дна.
Белые рыбки в глуби скользят.
Блеклые травы задумчиво спят.
Грустные листья поникших берёз
в капельках светлых мерцающих рос...
Снежные совы к поляне летят,
белые мыши у норки сидят.
В белой, обманной, одежде я сам...
Ах, белизна- даже больно глазам!

* * *

Зимний лес, полупризрачный лес
в белых бликах ковра- покрывала.
Чисто так...
Чудо близких небес,
приюти мою душу усталую.
Как светло от обвальных снегов,
как узорчивы гребни сугробов...
Я вернулся из дальних краёв,
эти холмики- вроде надгробий.
Я вернулся- в поклоне клонюсь,
вдаль иду по безлюдному полю.
И шепчу: «Здравствуй, край - и молюсь,-
возврати мою радость и боли!».

* * *

Отпускные вы , деньки.
В круг весёлый снежной замяти
пронеслись в перегонки
по местам родным и памятным.
«Маслениц» горят огни,
ветер ластится к соломинке...
Смех девичий: «Догони!».
Звук баяна в крайнем домике.
Речки узенький изгиб,
берег в насыпи сугробной,
огоньки вечерних изб.
И присказок разных- коробы!
...Вот и отпуск позади.
За околицей берёзовой
нас автобус посадил
с другом, в первый раз тверёзовым.

ЧАРЫМ

В марте солнца веселый разбег
все заметней по склонам седым –
как наждак,

ноздреватый снег
под названием жестким –«чарым».
От берёз все отчетливей тень
на поляне
в полдневном кругу –
вот и вытаял черный пень,
вот и кочки видны на лугу!..
Только к ночи серчает мороз
и стучит колотушкой в осины.
Режет ноги «чарым»

до слез,
и потеют звериные спины.
Лось забрался в нехоженный рям,
и козлы залегли на болоте...
Но не спится в ночи егерям –
браконьеры спешат на охоту!
...След кровавый на жестком снегу
от урочища к колку ведет –
от кого же бессильно бегут
эти звери –

кто следом идет?!

Может, волка почудился вой
или выстрела дальнего эхо?..
Я иду по тропе кровавой,
рядом след:
кто на лыжах проехал?!

* * *

Ночь... Луна...
Хруст морозный, печальный,
на снегу- лап огромных следы...
Волчий вой от болотины дальней
наплывает в просвет городьбы.
Под навесом скотина в сарайке,
пар над крышею дымкой встаёт...
... И Мурзилка, отменная лайка-
чуть скулит и хозяина ждёт.
Ждёт, когда из избы выйдет он,
и с берданкой уже не впервые-
обойдёт сеновал и пригон-
слушая волчьих стай позывные

ДЕД СОФЕТ И Я

За увалами высокими,
где в рямах большие ели,
есть избушка одинокая
для охотников за зверем.
Там, в трущобах между сограми,
по ночам волчицы вой,
там сохатый, в кровь изодранный,
с волчьей стаей держит бой.
Там капкан дождался рыси-
впился в лапу ей металл.
Там я вижу после выстрела
зверя мёртвого оскал...
С дедом я в избушке той
пацаном бывал зимой.

Глава десятая. МАТЕРИНСКИЕ ЗАБОТЫ

Я ТРОГАЮ ШРАМЫ

Веду на поляне с берёзкой беседу,
ладонью касаясь ветвей ...
На шрамах, в коре, открываются бездны-
в них слышу дыханье корней!
И чувствую: время куда-то относит
поляну, берёзку, меня...
И вспомнились:
годы военные, осень
и горечь холодно дня...
К нам в мае пришла похоронка-
под Псковом, в бою пал отец.
Мы- дети, сидели в избе потихоньку,
казалось: всей жизни- конец!
А мама всё плакала...
... Давние беды
внезапно зажгли огонёк,
я трогаю шрамы, с берёзкой беседую...
В ладони слетает листок...

СКОРБИТ ОСЕННЯЯ ЗЕМЛЯ

Когда осенние дожди
плывут сплошною пеленою,
и полумрак лишь впереди
с неизъяснимою тоскою-
тогда погосты и кресты
встают ясней на перекрёстках,
то возле них мрачнеешь ты
под ветром леденистым, хлёстким.
Скорбит осенняя земля,
уставшая, совсем нагая-
Там мама старая моя
- такая тихая, больная...

ЭЛЕГИЯ ФЕВРАЛЮ

Белолобый,
метельный февраль,
ты мне сказкой ночами светил,
ты крылом лебединым ударь
по равнине – и уходи!
Ни следов, ни лица...
Звездный шлейф
над поземкой в завьюженном поле,
от чудачеств лесных ошалев,
напылил, насвистелся вдоволь!..
Ах, февраль,
белокудрый февраль!
Ты – царевич
в блистании кружев,
уходя заморожено вдаль,
разбросал серебро в лютой стуже.
Ты меха раздарил по лесам,
поразвесил на елках сережки...
И слезятся от света глаза –
словно счастье и вправду возможно?!
Ах, февраль, белопенный февраль,
с заколдованной в инее негой –
я твою чистоту обожал
под холодную строгостью неба!..
Март придет –
потемнеют снега,
растекутся, увянут по лужам.
Белизна, что мне так дорога,
как невинность,
вдруг станет ненужной.

НА ОКРАИНЕ СИБСОЛДАТКИ

Рощица развесистых берёз
выплыла в рассвете из тумана...
И листва, как прядь твоих волос-
с отсветом белёсым, горьким, ранним...

ТАМ, ЗА ДАЛЬЮ...

Там, за далью, листвою опавшей
мне дорожка лесная сквозит...
Там, над речкой луна, приподнявшись,
хладным светом слегка моросит...
Ветер тихнет...

И волны тумана
вдоль деревни стекают на луг...
Там, в избе, одинокая мама
задремала...
Ей чудится стук.

ВЕРНУЛСЯ

Щиплет уши мороз... Всё в окрест
в белых бликах больших покрывалов.
Чисто так!.. Целомудренный лес
приюти, мою душу усталую.
Как светло от обвальных снегов!
Как узорчивы гребни сугробов!
Я вернулся, но я не здоров...
Снег на пнях, вроде, чьих-то надгробий.
Светлой вере в поклоне клонюсь
и бреду по безлюдному полю,
и шепчу: «Здравствуй край мой,
винюсь...
- Возврати снова радость и волю!..»

НА МОГИЛЕ

Гроб опущен... И боль затая,
глины горсть ударяет по крышке...
Стала ближе земля...
Стала горьше земля...
В ней негромкий твой голос я слышу...

* * *

Я к тебе вернулся: «Здравствуй, мама...»
Видю: двор заросший- в нём- темно.
Память бьётся и зовёт упрямо
заглянуть в разбитое окно.
За избою- мрачные деревья,
в огороде- сваленный плетень...
Кто теперь мне душу обогреет,
кто вернёт весенний ясный день?..
У калитки, где меня встречала-
доски накрест- вроде бы кресты.
И согнувшись, я стою в печали
у ограды, где осталась ты...

НОЧНОЙ ПРИЕЗД...

Вернулся я... Узкая речка
плещется в берег, журчит...
Волны рождают словечки-
то, мама, со мной говорит...
Полночь... Туман белоснежный
стелет по- лугу постель...
Голос у мамы был нежный...
Плачет вблизи коростель.

СТАРЕЮ

Старею... Множество болячек,
и сердце ноет по ночам...
Но я больничный лист не клянчу
и даже- не хожу к врачам!
Режим вольготный не меняю
и рву бессмертник на меже.
Не будет птиц, цветов- я знаю,
на том, последнем рубеже.
А потому- природой нежусь,
и пью берёзовый я сок...
Останусь до конца я прежним,
и старость зря стучит в висок!

В ПОЛНОЧЬ

Вмиг ослепит звезда шальная,
слетевшая с небес стрелой...
И – снова мрак...
То жизнь чужая,
сгорев, прощается с тобой.
И ветер непонятной речью
среди веток тайно прошумит...
И станет ясно: жизнь- не вечна...
И сердце- так заохлодит...

ВОСПОМИНАНИЕ

Там, за далью, листвою опавшей
мне дорожка лесная сквозит...
Там, над речкой луна, приподнявшись,
хладным светом слегка моросит...
Ветер тихнет... И волны тумана
вдоль деревни стекают на луг...
Там, в избе, одинокая мама
задремала... Ей чудится стук.

МАМА

Мама часто за полночь вставала
и по половицам тихо шла,
тонкую лучину зажигала-
и на кухне расступалась мгла.
Разгорались с трескотнёй поленья,
о чугуны позванивал ухват,
и сквозь сон я слышал в печке пенье,
а под лавкой- посвисты цыплят.
Жалобно в углу мычал телёнок
и, скользя копытцами, вставал-
звякая пустым ведром спросонок,
сладко дно шершавое лизал.
Мама открывала двери в сени,
шла во двор, к бурёнушке в пригон,
и с морозным паром запах сена
в кухню плыл, цветами напоён!..
Мама до рассвета уходила
в школу,
где техничкою была-
коридоры, классы мыла, мыла...
А потом у входа нас ждала.
Много лет встречала так, вздыхала,
горбилась...
И мыла допоздна...
И поочередно отправляла
в институты
всех троих-
ОДНА!

В ЭКСПРЕССЕ

Всю ночь звенели тихо рельсы,
а утром встал, глаза протер –
и всматриваюсь с интересом
в сибирский голубой
простор!

Россия! - без конца и края
поля равнинные, леса...
Хребты Кавказа и Алтая
лишь где-то держат небеса.

А здесь,
среди усталых пашен,
меж тихих рощиц в серебре
река, деревню обласкавшая,
румянец студит на заре!
Да стадо пестрое неспешно
взбирается на косогор...
О, Родина, в раздумье нежном
на всем задерживаю взор!

Как старику,
что на восходе
с росой
бредет косить в луга,
ты каждой капелькой на стоге,
травинкой каждой дорога!
Ты дорога мне полустанком
и домиком на берегу
- и я другим уже не стану,
любить иначе не смогу!
И эти в дымке перелески,
дорог размытых колеи,
и эти люди,
эти песни
- они со мной,
навек мои!

* * *

О, жизнь упрямая,
 смешная,
ты тяжелей день ото дня!..
Ты, правду с чернотой мешая,
так больно мучаешь меня!
Порою слабым и незрячим
иду от споров в отчий край,
где пахнет пирожком горячим,
 где есть корова,
 двор,
 сарай...

А нынче –
 оглянусь –
 в округе
ни живности,
 ни пирога .–
Голодный мир?!...
И сам в испуге
бегу, хоть к черту на рога.
 Как в детстве,
 я готов картошку
промерзшую весной копать,
меж сосен собирать морошку
 и в пять утра,
 с зарей,
 вставать...

Глава одиннадцатая. ЭЛИКСИР МОЛОДОСТИ

МАРАФОНЕЦ

*Растопчину Михаилу Петровичу
первому чемпиону омского марафона*

Канули в бессмертие века
с битвами жестокими, громами...
с колесницами и со слонами...
с дротиком, пронзившим облака.
...Из легенды юноша бежит,
чудится: под ним земля дрожит.
Он бежит, спешит издалека –
кровь стекает в желтый зной песка!
Силы на исходе, путь коварен,
а в плече стрела и ноет рана...
*«Сорок два километра
сто девяносто пять метров
надо ему пробежать!»*
Что за чудо этот человек?
По преданью, воин славный, грек.
Из дружины, прямо с поля боя
послан он на родину гонцом,
зажимает рану он рукою –
и плывут круги перед лицом.
Видятся в кругах тех миражи,
где чумеют сфинксы от жары,
где жрецы в гробницах-пирамидах
не простят БЕССМЕРТНОМУ
обиды!
Но, презрев их, юноша бежит
к нам, и больше жизни дорожит
тем, что прокричит в конце пробега
словно величайшее:
"Победа!!"

АВГУСТ ТКЁТ ЗОЛОТИСТУЮ ПРЯЖУ

Август ткёт золотистую пряжу,
погружаясь дремотно в теплынь...
Я берёзку корявую глажу
в налетевшей тоске паутин.
По-над речкой туманы колдуют,
расцветает в полнеба луна...
И скучая, медлительно жду я:
прозвенит ли во мне тишина?!
О желаньях заветных не споря,
растворяюсь, почти невесом...
... Не смолкают комбайнов моторы
на полях, прозвеневших зерном.
В свете фар, к элеваторам дальним
движется вереница машин...
И сижу я у стога, печален,
с тайной ночи - один на один.

В ЧАС ПОСЛЕДНИЙ

Я хочу, земля родная,
в час прощальный, на краю-
где всех ждёт судьба слепая,
быть душою не в раю
Что мне звёзды, поднебесье!?
-Грех от Бога не тая,
в час последний, неизбежный,
я уйду в свои поля.
Там, в вечернем птичьем хоре,
не мешая никому,
растворюсь вновь в алой зорьке,
побеждая боль и тьму!

ОДА МАРАФОНУ

*В городе Омске
международный марафон
проводится с 1990 года*

* * *

Радости не тая,
 площадь празднично светится!
- Здравствуй, юность моя,
 вот и снова мы встретились!

СТАРТ

...Многолюдный поток
хлынул в уличный створ.
Свет улыбок –
 в них пламень задора.
И болельщиков
 пестрый живой коридор –
 стадионом стал целый город!

НА ДИСТАНЦИИ

Ты устал, изнемог –
 на лице тяжкий пот.
С Иртыша веет свежесть, прохлада.
В спину выдох соперника...
Вновь поворот...
Из толпы крик:
 "Терпи, парень. Надо!"

ФИНИШ

Спурт!.. На финиш рывок!
Что за воля, как смог
 вмиг собраться, пружиною сжаться?
И победа сладка –
 это счастья глоток.
Репортер, дай хотя б отдышаться.

КРУГ ПОЧЕТА

Он по кругу бежит,
и гудит стадион.
Он возносит молитвенно руки
к солнцу, к людям –
счастливейший он,
перенесший сомненья и муки.
Он так долго бежал –
и в азарте шалел,
задыхаясь от ветра и пота,
обгонял, уставал, но воспрянув, смелел...
И в награду теперь – КРУГ ПОЧЕТА!

* * *

У ИРТЫША

Испепеляющий закат...
Сижу на камне у реки,
под плеск волны, грачиный гвалт
мне думы осени горьки.
Я вспомнил юность: ледостав,
в руках блестит весло.
Звучали дивные слова-
куда их время унесло?
Свинцово светится залив
за кромкой камыша...
О чём спросить у голых ив
пытаешься, душа?!.

ЗА УСТЬ-ИШИМОМ

Цветы - по грудь, и пчелы - у лица...
Хожу я по некошенным полянам,
по ягодным местам - им нет конца.
Здесь Север - и закат в сто крат румяней.
Под соснами - багульник, моха пух...
Непуганые рядом птицы, звери...
Мир первозданный, вековечный дух!
Впервые хочется в бессмертье верить!

СТЕНДОВАЯ СТРЕЛЬБА

Чемпиону мира Бенешу Николаю

Взглядом цепким, пристальным
я весь во власти выстрела!
Чуть наклоняюсь, пружинясь,
кричу команду: "Дать!",
надеждой одержимый
мишень не прозевать.
А таймер лихорадит,
И прибавляет дрожь –
далекою отрадой
в секунды те живешь.
Нет, это не тарелочка
мелькнет от козырька,
а прыгнет где-то белочка
в просвете сосняка...
А может, в дымке перепел
из-под самых ног
с посвистом и трепетом
взлетит наискосок?
А может, с кочки рыжей
бекас пульнет в зенит?
...Но вмиг мишень я вижу,
приклад в плечо скользит.
В одной прицельной линии
тарелка, глаз, душа –
выстрел майским ливнем
над далью камыша!
Загадочно мерцает
блеск спаренных стволов,
и гарь пороховая
приятней всех духов!

НА ПЬЕДЕСТАЛЕ

*Ирине Родниной,
Олимпийской чемпионке*

Оваций шквал –девятый вал!
Прибоем дышат страсти,
качая потрясенный зал
в волнении прекрасном!
Все убыстрается прокат,
сложней на льду узоры,
неповторим прыжков каскад –
и вновь зал гулом взорван!
О, миг, тебя не передать
словами и стихами,
– немногим в жизни испытать
пришлось такой экзамен.
Когда от Родины вдали,
когда весь на пределе –
твои б рекорды так могли
служить бы высшей цели!...
Ковры разосланы на лед
и пьедестал сияя, тебя,
 богиню танца, ждет –
восторг предвосхищая!
...Восходишь ты на пьедестал
с улыбкой неизменной
и, вдруг, слеза – грозы накал,
что схлынула мгновенно.
И медленно скользит слеза,
а губы в трудном счастье
сжимает боль...Твои глаза
– о как они прекрасны!
Торжественно всплывает гимн,
мерцают флаги звёздно.
– Стать олимпийцем золотым
в который раз – непросто!

В ДОМБАЕ

М.И.

"Хочешь, эдельвейсы принесу
в спящую палатку утром ранним?..
С лепестков не оброну росу –
только не смотри так строго,
странно...

Хочешь, я залезу к облакам
на снега вершинные Домбая,
поищу целительный бальзам,
хочешь, счастье вместе попытаем?.."
Ты молчишь, задерживая взор
над дымками дикого ущелья
и на иглах белоснежных гор,
устремленных в синеву прицельно!
В кружевах резные терема,
теннисные корты и газоны.
Бьет фонтан нарзана... Ты сама
уверяла в прелести озона!
Ты грустишь и это как укор
шумному вокруг тебя веселью.
Не ужель пугает до сих пор
грохот камнепада в том ущелье?
По тропинкам солнечных полян,
в белом платье, празднично одета,
бродишь ты, глядишь по сторонам –
словно ищешь давние приметы.
Столько с той поры
уже воды
утекло!.. И разве помнят горы
перевал в тот горький час беды
на пути к синему морю.

ГОРОДКИ

Пред. колхоза И.И. Рудских

Я играю в городки на зеленом поле,
зуд в плечах, как от тоски
по забытой воле!
С косарями я косил, лес валил в деляне
и с тобой, Игнатий, жил общими делами.
Так что очень не гордись
удалью старинной,
не проигрывал ни в жизнь?
- А мне ли быть с повинной?!
Бью с размаха: звон плывет
колокольным гулом,
в вихре пыли "Пулемет"
словно ветром сдуло!
"Крепость" – в щепы!..
Охнул "Рак"!
"Серп" блеснул над битой!
как Иванушка-дурак,
я не лыком шитый.
Распечатаю "Письмо",
доберусь до истины,
но, коварное, оно
хочет дольше выстоять!
А Игнатий тут как тут
подпирает, ахает –
да, характером он крут,
впрямь, закалка пахаря!
Взмок я, труден очень "Кон"
и мешает "Пригород".
Долго целюсь, бью!..и звон
сотрясает изгородь!

* * *

Слетев с опушки, снегири
алеют на большом сугробе...
Даль стынет.
Внутренне замри,
понять безмолвие попробуй!
Бреду, проваливаясь в снег,
а у деревни скрип полозьев.
Вокруг куста зайчишки след,
прогнулись ветки в белых гроздьях!
И солнце зимнее вразлет
рассыпалось в иголках снежных –
лес ослепительно цветет,
взгляд белизною больно режет!
Глаза слезятся... Злой мороз
выветривает тело, душу...
Я рукавичкой грею нос
и тишину лесную слушаю.

* * *

Источник радости- я сам,
душа стремится к свету...
Иду по льдистым берегам
осеннего рассвета.
Пусть резок ветер, морок пусть,
и дымкой даль затмило.
А в сердце-
нежность, радость, грусть...
Мне всё в округе мило.
И этот голый березняк,
загон, изба у речки.
И шелест вербы- добрый знак
над маминым крылечком.

*Чемпионке Мира,
Мастеру спорта международного класса
Селиверстовой Валентине*

Небо крутит парашюты
как пылинки, как пушинки,
может, боги снова шутят
над бескрылым человеком?
Нет, иллюзия минутна,
многое подвластно веку.
Космос шире приоткрыт,
прилунился трактор,
близок нам метеорит
и атомный реактор.
Ну, а что же парашют?!
Первый взгляд в пространство,
где порой загадки ждут
вместо постоянства!
...Затяжной идет прыжок.
В жуткой круговерти
пляшет там – внизу – кружок
зелененьких деревьев.
С адской скоростью земля
ближе, ближе, ближе...
Страх запрятав, затаясь:
выждать, выждать, выждать!..
Точно вырвано кольцо –
парашюта облако
всплыло...
Запах трав в лицо,
смех и шутки около.
Твой трехтысячный прыжок
выполнен блестяще –
он и мастерству итог,
юбилейный – к счастью!

* * *

Царство лесное...
 Внутри озерко
с бликом рассветным.
Мне одиноко
 и странно легко
в проводах лета.
К пристани тропка ведет в камыше,
 еле заметна.
Тихо,
 уютно с утра на душе –
 кончилось лето!
Солнцем сочится
 березы листва
в каплях росистых!
Как беспредельна вверху синева
 осени чистой!
В синей пустыне,
в небесной дали
 кликают стаи,
словно по морю плывут корабли,
 белым блистая.
В царство лесное
 зовет озерко
 чаячьим криком...
Мне одиноко,
 приятно, легко
 в сне полудиком.
Сети проверю,
 ушицу сварю
 с перцем душистым...
Я одиночество боготворю
 осени чистой!

* * *

Снежком с утра запорошило
продрогшие насквозь поля.
Не спрятать грусти,
 словно шила
в мешке,
 глаза мои болят...
Снег ослепляет белизною
и мучит чистотой до слез.
Дорожка светит бороздою
среди пышных,
 в инее, берез.
Белым-бело...
 Пустыня жизни...
Я сам притих,
 как в землю вмерз.
И размышляю с укоризной:
а до приюта – сколько верст?
Где он, предел
тревогам, мукам,
на этой стынущей земле?
И взгляд опять печали мутят,
как ты того бы не хотел.
...А лес красив
и не заслежен,
и небо в дымке голубой!
О, край родной –
не жил я, не жил...
Как мы расстанемся
с тобой?

* * *

**Желтоватые поляны
на опушке меж берез**
терпким запахом дурманят,
душу трогают до слез.
Отгорели, отшумели
листья ветренного дня.
С грустным полем неужели
столь созвучий у меня?!

Эти думы, эти шумы
мне поет густой овес.
У березки тонкой, юной
ветер блески рвет из кос.
Только озими нет дела
до ветров и холодов.
Как она зазеленела -
поклониться ей готов!

Вновь шагаю луговиной
к светлой речке наугад
листья красные осины
светофором мне горят.
Встал...
а в сердце прорастают
для тебя любви слова -
словно птицы вылетают
там, где в небе синева.

Я – ВЕРНУСЬ

Я- вернусь, я всё-таки вернусь
в ту избу,
где в зыбке мать качала.
И в окно, как в зеркало, взгляжусь-
и припомню всё, о чём мечталось!
В лес уйду- и меж берёз прямых
на поляне красной земляникой
губы обожгу...
Сложу я стих
о природе непорочной, дикой!
Я- вернусь!
Что б ни было, вернусь
в те леса, где жизнь меня встречала
сказкой.
Где цвела святая Русь,
и с красой своею повенчала...

* * *

Я- независим!.. Так должно-
останусь прежним.
Кажусь наивным? Всё равно
в мечтах- железный!
И мне начхать на весь абсурд
и кривотолки.
Общественный не страшен суд
в насмешках колких.
И сплетни слышу за спиной,
и желчь, и бредни...
Но наплевать: я – гордый, злой,
из могикан- последний.
Дилеммы нету: «Быть - не быть?!».
Живём однажды...
И новый день спешу дарить
себе, как праздник!

Глава двенадцатая. Влюблённость

* * *

Твоя любовь –
не легкая пыльца,
что веет с яркой розы золотистой...
Твоя любовь –
не красота лица,
хотя и ей могу вполне гордиться!
Твоя любовь –
не синий небосклон
и прелести всего земного рая...
Твоя любовь –
от бед любых заслон,
когда хожу по острому я краю!
Твоя любовь –
высокой чести долг,
в ней материнство,
женственность,
забота,
и если я чего-то в жизни смог,
то это ты мне помогла,
не кто-то.
Твоя любовь –
рассветный,
ясный свет
и луговое
майское цветенье!..
И без тебя,
пожалуй,
просто нет
меня, семьи –
всей жизни продолженья!

* * *

Заснеженность,
заснеженность...
Березок бахрома.
Из холода и нежности
сугробы-терема.
Сверкает поле белое,
а дальше –
гребни крыш...
И что с собой поделаю,
когда в глазах стоишь.
Не ты ль поешь полозьями,
щеглами метишь путь,
не ты ли с веток гроздя
ссыпашь мне на грудь?
Сквозь призрачную сетку
ветвей и куржака
сlediшь ты,
незаметная,
ревнива и строга.
Летят снежинки, кружатся,
скользят в сугроб,
скользят...
И дарит силу, мужество
твой
негасимый
взгляд!

* * *

В лице прекрасном миг, и вечность!
Как близко звёзды чудных глаз...
Они надеждой тайной лечат:
увидеть Вас ещё не раз!!

Я - НЕ ПРЕДАМ

И пусть мерцает холодно восход,
и в ночь, порою, лужа замерзает,
но скворушка нам радостно поет
что время для влюбленных наступает...

Цветет сирень, белея, по садам -
и в небе синем - с громом первый дождик!..

Своей любви к тебе я не предам,
я с нею до весны желанной дожил.

* * *

Здесь, где лохматые сосны
таёжную пьют тишину,
в одежде ещё не просохшей,
я по- мертвецки засну.
Будут медведи мне сниться
и рой мошкары на тропе...
Приснится, как с первой зарницей
я возвращаюсь к тебе.
И нежно тебя обнимаю
в сотый, наверное, раз...
... Но даже во сне понимаю:
как далека ты сейчас!..

* * *

«-Все впереди!..»
- звучит уже насмешкою,
а стук в груди
день от дня поспешнее.
«-Все позади!..»
- Нет,
это слишком строго,
но блеск седин
виски мои потрогал...
Надежду затая,
грущу,
брожу средь лета.
Да, песенка моя
наполовину спета.
День катит на закат,
а небо все тревожнее,
и ничему не рад.
Чем дальше –
невозможнее!..
А сил еще полно:
дни в творчестве- до пота!
Но счастье не дано
измерить лишь работой.
В душе я-
одинок!..
Так,
словно поздней осенью,
промок в грязи,
продрог-
и в поле меня
бросили.

НА ДЕНЬ ПОБЕДЫ

Ветра промчались тёплые
с ковыльной стороны,
тугие почки лопнули
среди майской тишины!..
С утра листва зелёная
одела тополя...
Во взглядах всех влюблённых
рассветинки горят!..
Плывут гудки над речкою
в безбрежный небосвод.
И птичьими наречьями
гусиный клич- с высот.
Грачи слетелись стаями
на влажные поля!..
Оттаяла, оттаяла
родимая земля!
Как вольно, легче дышится
под первую листвою!
... В шуме веток слышится
далёкий голос твой!!

НА ТУРБАЗЕ В ЧЕРНОЛУЧЬЕ

Ни стука. Полночь. Меркнет снег...
Но поднялась луна-
её холодный резкий свет
струится из окна.
Лучи упали на кровать...
Свет по полу скользнул
и начал стены освещать,
в глаза мне заглянул.
И странно: сон хотя исчез,
я видел в полусне-
цветы на стёклах... дивный лес...
И профиль твой-в окне.

* * *

Солнце светит над поляной,
а подснежников все нет...
Ты опять непостоянна,
как ручьи, как вешний снег.
То смеешься, то ревнива...
То добра, а то строга...
Вечером была счастливой –
ночью выпали снега.
Ты проснулась,
брови хмуришь,
отвечаешь невпопад,
у окна сидишь понуро.
Вновь под снегом тихий сад.
Кто в глаза твои заглянет,
душу кто твою поймет?
Ты со мной непостоянна,
как ручьи,
как вешний лед

ЗЕМНАЯ БОГИНЯ

Н. Ф.

Для меня
Вы - земная богиня –
а не звездная,
там – в небесах...
Вы явились над бездной
гордыней
наяву
и в таинственных снах.
Вас нельзя ни обидеть,
ни выдать,
Вы встаете везде предо мной:
Вы мой свет и задумчивый выдох,
Вы горенье и бред мой ночной!..
Лишь подумаю только:
"Богиня!.." –
и поляны лесной васильки!
А когда жар в висках поостынет,
приоткроется звездная высь –
Вы уходите в дали святые,
оставляя мне серую жизнь.
И шепчу я вослед Вам:
"Богиня,
я не знал о любви,
я не жил..."
...И на счастье ли,
иль на погибель
это чудо
в себе я открыл?!

ОЖИДАНИЕ

Ты, как эти дни, непостоянна,
как ручьи, как талые снега!..
То- смеёшься звонко, неустанно...
То, вдруг, молчалива и строга.
Я люблю лучи твоей улыбки,
я ловлю задумчивый твой взгляд...
Утром было солнце!..

По ошибке
к ночи разразился снегопад.
Потемнело небо, помутнело-
мокрый снег кружится допоздна,
улица под вечер побелела,
словно здесь и не была весна.
... У окна сидишь, прилежно вяжешь,
поправляешь шторы и молчишь...
Ничего не спросишь, не расскажешь-
и меж нами тягостная тишь.
Знаю я, придёт пора- растают
все снега, в саду мы будем жить!..
- Но какие холода пугают,
если ты не можешь не грустить?!

* * *

Я слезе твоей давно не верю:
среди насмешек, лжи и чепухи
дразнишь ты во мне подспудно зверя,
забывая про свои грехи.
Женственность с упрёками – порочна.
И, смиряясь, их пока терплю...
Но не слишком многое ты хочешь?
Я тебя, как раньше, не люблю.

* * *

Уйти бы надо- не могу!
Сказать в ответ, - в словах взорваться
и попытаться разобраться.
Но молча я чего- то жду.
А недомолвки, твои ссоры,
претензий всевозможный груз
сильней всё давят- и боюсь:
разъединить нас могут скоро.
Я пытки все пока терплю,
бегу из собственного дома
порою даже к незнакомым.
О, как я ругань не люблю!
Быть может, я не берегу
тебя, очаг семейный ?..
Может,
у нас характеров несхожесть!
Расстаться бы-
но не могу.

НА РОДИНЕ

Когда осенние дожди
плывут сплошною пеленою
и полумрак лишь впереди
с неизъяснимою тоскою,
когда погосты и кресты
встают ясней на перекрестках –
то возле них мрачнеешь ты
под ветром леденистым,
хлестким...

В пустынном поле – никого!
Стою с протянутой рукою
и слышу: где-то далеко
знакомый лай бежит по полю!..
Скорбит осенняя земля,
уставшая, совсем нагая...
Здесь мама старая
моя,
- такая тихая, больная.
д.Старо-Солдатка.

ВСЁ ОЧНУЛОСЬ ВМИГ

По болоту шёл я осторожно.
Но раздался треск гнилых жердей
под ногами- словно выстрел грозный
прогремел, вспугнув двух крякашей.
Закричал удод, за ним- сорока,
стала булькать, ухать кочкара,
и лягушки всхлипнули в осоке-
всё очнулось вмиг в лучах утра.
Всё насторожилось, окликая:
Кто я?..
И зачем в их тихом крае?!

ЛЕТНИЙ ДОЖДЬ

Над берёзовым леском
прокатился резвый гром.
Капли звонко застучали
по раскрывшейся листве,
на дороге зажурчали
ручейки...
И – всплеск в траве.
За увал свалилась тучка,
встала радуга- дуга.
От травы дурман пахучий
дымкою прикрыл луга.

НАСЛЕДСТВО

На озере Долгом раздумьями светлыми маюсь,
ведь угол у плёса фамилией назван моей!
Мой труженик – дед, ты так же смотрел на чаек,
но был ты хозяин старинных, кулацких кровей.
Я внук твой и звон полевой – твоего колокольца,
а озеро это - чужое, я - только здесь гость...
Светлеет лицо от весеннего яркого солнца,
в душе улыбаюсь- природа всё помнит, небось!
Не зря же ты, дед, и пахал здесь, и сеял
на этой вот гриве- «Копытихой» звали её.
И я здесь родился- твоё плодovitое семя,
на этом вот поле взошло в отраженье мое.
Ах, озеро Долгое, с криками уток и чаек,
и этот залив, что мне дедом завещан навек-
к тебе я вернулся...
Жизнь нынче долги возвращает-
подружимся мы, в общем, я не плохой человек.

ВСТРЕЧА С КРАСОТОЙ

Вы появились так внезапно –
что мир невольно засверкал,
от клумб повеял нежный запах
и день светлее, шире стал!
Улыбка Ваша излучала
Ум, Благодородство,
Чистоту!
И показалось мне сначала:
Я вижу просто Красоту!
Не знал тогда я, к сожаленью,
тот горький и святой секрет:
есть сердце Вашего горенье
и восхищающий нас Свет!
О, вам непросто быть красивой
в заботах разных и делах,
еще труднее стать счастливой
и скрыть печаль в своих глазах.
Вы все смогли!..
И вновь, как прежде,
с улыбкой смотрите в рассвет.
Пусть не обманутся надежды
и не погаснет в сердце свет!

* * *

Не мучаясь тоской и славой,
опять я еду в глухомань –
здесь все равны,
 всем совесть правит,
здесь петухи горланят в рань!
Вдыхая прель навозной жижи,
расхлябанною колеей
иду в поля,
 иду по жизни,
такой щемящей и родной!
Проселки,
 просеки,
 делянки –
моя тропиночка к реке,
где сеть дырявая –
 гольянка
на вешале,
 на островке...
Как лица встречных загорели!
Соленый пот с губ негу сжег,
но пусть ладони огрубели ,
в глазах - веселый огонек!
Я кланяюсь навстречу людям
и что-то с шуткой говорю.
Я многим не знаком –
 но чудо:
других в их лицах узнаю.
Небес июльских озаренье,
и запах меда,
 и теплынь...
И просит властно вдохновенье –
родному краю
сердце вынь!

ТВОРЧЕСТВО

Буква к букве- слова,
следом- строчки...
Ну, а смысл весь, порой,
 между строк!
...В этом мире жестоком, непрочном-
научи верить книге, пророк!

* * *

В Сибири есть одна изба,
углы подгнили, покосились,
и все равно мне так близка
она – мой дом, моя Россия.
В глухих местах стоит изба,
В деревне той - Старосолдатке.
Оттуда началась судьба
в мой путь заветный и не гладкий.
Теперь на пятом этаже
живу, где газ и телевизор.
Изба жива в моей душе
и по ночам ее я вижу.
Зимой в ней мерз, в ней- голодал,
в ней обрастали мои крылья...
И пусть красивы города-
они мне из избы открылись!
Когда смотрю я на жнивье
под крик прощальный, журавлиный-
не мыслю космос без нее,
не представляю край любимый!!!

* * *

Мартын все кружит
над весенней лужей,
крылами рассекая синий зной!..
- Зачем он кружит,
и о чем он тужит,
с ума сводя своею белизной?!
То выше поднимается, то с лета,
почти касаясь солнечной воды,
вдруг прокричит –и в зове безотчетном
мне слышится дыхание беды...
- Зачем я здесь?
Зачем в тиши прозрачной
мартын все кружит,
стонет надо мной?
Последний снег в кустах
сереет мрачно
- он, словно память горечи одной.
Он не растаял, этот снег, поныне –
не я, другой тебе цветы дарил,
напрасно я шептал ночами имя,
когда твой след
в чужих краях простыл.
...Стою в тени бездвижно,
молчаливо –
лишь кровь звенит :я там, к тебе лечу!..
Ах, до чего же ты была красивой,
вся светлая – подобная лучу!
Сквозь воду прорезается осока,
парит...
Вот здесь расстались мы с тобой...
Мартын все кружит,
стонет одиноко,
с ума сводя своею белизной.

ЛЮБЛЮ

Декабрь.
Моя береза во дворе
в хрустальных ветках, серьгах
утопает,
сверкает в непорочном серебре,
как Королева-Снежная, святая...
Но странно—
в бледных отсветах зари
я женский лик
так близко различаю:
румянец на щеках, - как снегири
на ветках... И опять души не чаю!
Прошло немало долгих,
трудных лет,
а предо мной все тот же ясный
свет:
в костюме белом, светлая,
с улыбкой пронзительной,
по даче Вы прошли
среди цветов...
И словно по ошибке,
вдруг биотоки сердце
мне прожгли!..
А вечером ушли Вы не одни,
и были отчужденно холодны...
Но с той поры нет образа светлей!
И вот сейчас в мерцающей заре
я вспомнил: день рожденья
в декабре
у Вас...
О Боже, даже—юбилей!..
Чтоб ни было—судьбу благодарю,
Вас и березу снежную—ЛЮБЛЮ.

Глава тринадцатая. ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА(1941-45гг)

Всё меньше остается ветеранов Отечественной войны, которым сегодня за 90 лет. Всё слышнее голоса сирот войны (детей, погибших солдат на полях войны). Но и им нынче уже за 75-80 лет. Тем более всё дороже воспоминания непосредственных участников военных лет, которые своими глазами видели события тех дней. Мне 84 года, я видел многое. Я состою членом Областной организации «Сироты войны», и можно сказать, что эта книга написана от их лиц.

* * *

Мне в то время было пять лет (я- с 1935 года) и первое отчётливое воспоминание из детства- это июль 1941 года. Сельская площадь в центре, на столбе-громкоговоритель, из репродуктора несутся военные марши, хриплые призывы на священную войну.

* * *

«...Я помню третий день войны:
шли вереницею подводы.
Средь деревенской тишины
повсюду женский плач надгробный.
А на подводах мужики,
ещё пока не в гимнастёрках,
крестясь, сжимая кулаки,
дымили крепкою махоркой.
Мне пацану всего лишь пять....
Шла за подводой долго мать
(она позднее лишь узнает,
что «похоронный лист» бывает).
Всё это трудно вспоминать. . .
Я знаю правду о войне-
мне от того больней вдвойне!»

АВТОПОРТРЕТ

И ростом я не выдался, хоть силы
не занимать,
не вышел и лицом...
Я с детства знал колун метровый, вилы
да воз, прижатый плотно бастригом!
Буренка наша жалобно мычала
и, напрягая тощие бока,
тащила плуг,
и к вечеру качалась-
в подойнике ни капли молока.
В избе холодной было очень грустно
когда темнел в полнеба горизонт,
а в животе как в зимнем поле- пусто.
Но нету детских жалоб: «Всё на фронт!».
Мне в жизни каждый шаг давался трудно,
завидую сегодняшним юнцам
и ненавижу тех, с пустою грудью,
подвыпивших, подобных подлецам...
Друзья смеются: «Слух же у тебя,
медведь на ухо что ли наступил?
А где им знать-
глуха была изба,
динамик в ней – и тот не говорил.
Теперь, когда я детство вспоминаю,
ко мне приходит музыка полей-
в сто этажей!..
Аж кожу обдирает!..
Там жаворонки выше забирают
к невидимому клину журавлей.
Большой оркестр! На тыщу голосов-
мелодий сто и ни одной фальшивой!
И даже шелест спелых голосков

вплетался в эту музыку счастливо!
... Да, ростом я не выдался, ну что же-
тому виной крапива, лебеда.
Что сердцем глух-
сказать никто не сможет,
а что лицом не вышел-
не беда!

В ГЛУБИНКЕ

Во ржи расцвел овсюг... Вдоль леса медуницы
встают и манят мой с утра голодный взгляд.
Избушечка в лесу одним глазком глядится,
и лодки сиротливые у камыша стоят.
Налево - солончак, и ковыли лавиной
качаются, плывут, как облака,
а солнце прячет в согрe яркий хвост павлиний...
И лай собачий, тихий, бежит издалека.

В ПОРУ ТЯЖКИХ ГОДИН

Резкий запах смородины,
горький привкус осин...
Это- память о Родине
в пору тяжких годин.
Сорок первый, голодный-
я в весеннем лесу,
как дары от природы-
сноп медунок несу...

Июнь 1941г.

Гортанно петухи кричали
к заре, расправив крылья....
Поля в росе... Не стартовали
ещё в бессмертье эскадрильи.
Ещё рука к руке прижата,
и сладок чуткий сон...
Ночной патруль без маскхалатов
выходит за кордон.
Но жерла чёрных вражьих пушек
в прицеле - на Восток!
Враз тысячи сапог послушно
стучат зловеще в срок.
В мгновенье небо , накаляясь,
разносит смертный гул,
рассвет с пшеничными полями
меж взрывов утонул.
И перемолоты с землею
деревни, города.
Окрашены невинной кровью
все судьбы навсегда.
Тот страшный день ,
 он где-то в дымке
за далью в сорок лет...
Лишь в памяти,
как в точном снимке:
июнь...
 синь...
 взорванный рассвет.

ТРЕХКОПЕЕЧНЫЙ КАЛАЧ

Сорок третий. На фронте отцы...
Мир живет по суровым законам...
Мама вяжет пшеницу в снопы,
с братом старшим их ставим в суслоны.
А потом перевозим на ток,
погоняя в телеге лошадку...
Каждый день так: засветит восток, -
я встаю, обрывая сон сладкий.
Я-то знаю, что стоит калач,
трехкопеечный, не по рассказам.
Было тяжело порою, хоть плачь,
но зари не проспал я ни разу.

ПУТИ-ДОРОГИ

Севастополь

Я в турпоездке: летний Крым...
Экскурсия- в огонь и дым?!
Сапун- гора!.. Сапун гора!..
По склонам доты да окопы...
И громогласное: «Ура!..»-
скалистые вершины копят...
Святая людям панорама
открылась в дальних днях войны,
боль не зажившеюся раной
предстала памятью вины.

В Тигартене

*Фашистские, воинствующие молодчики
устраивают провокации у памятников
русским воинам (Из газет)*

У памятника в Тигартене
закат багровый бросил тени...
На век остались здесь солдаты,
последний получив приказ-
им не хватило только час,
в то утро майское, девятого.
Сурово смотрят с постамента
ещё в дыму, ещё в огне.
И запах пулеметной ленты
горчит свинцово в тишине...
Так тридцать лет стоят на страже
здесь, на чужбине, вдалеке.
А ночью тени, снова, вражьи
ползут, сжав злобу в кулаке...
... Чеканя шаг, к отцам и дедам,
идёт на смену караул-
к ним, не увидевшим Победу,
но слышавшим Салюта гул!!

* * *

В куче муравьиной - суета.
Комары назойливей над ухом.
Потемнело... В небе - чернота.
Жду: вот-вот из тучи молот ухнет.
И прокатится веселый гром,
откликаясь в падах и оврагах.
Вихрь взметнется - и начнет погром,
на пути сметая все преграды.
А потом прольется чистый дождь,-
напоит цветы, траву и рожь.

Приезд в Пушкино

У въезда, в скверике зеленом,
в отливе бронзы, кучерявый –
стоишь ты, юный,
 в мир влюбленный,
поэт с немеркнувшею славой!
Пробита пулей грудь навывлет
в огне блокадном
 в дни войны,
но новый памятник не вылит –
вдвойне он дорог для страны.
... Иду аллеями по парку.
Здесь ты гулял... творил... любил...
И пульс в висках звенит - аж жарко:
каким далеким миг тот был!
На реставрированных стенах
палат дворцовых и лица
мне видятся чужие тени –
и кто-то в сердце твое целит...
За далью- даль,
там алой кровью
 горят закатные снега...
И нынешней,
 и давней болью
стучится время у виска!
Нет, как бы жизнь ни убивали –
она восстанет из руин...
Ты вновь стоишь на пьедестале,
поэт - России верный сын!

ВЕСЕННИЙ СЕВ

Дорога уходила в небо,
взбираясь круто на бугор-
а дальше- шла в лесистый гребень,
где по утрам стучал топор.
Там на заре, вершины крася,
и травы синего бугра,
вставало солнце:
«Здравствуй! Здравствуй!...»-
встречали гулом трактора.
Внизу, в лугах, текла речушка,
пружиня в сгибах свой разбег...
Быки тянули равнодушно
оглобли стареньких телег.
Зерно в мешках томилось силой,
ссыпаясь в бункеры, звеня.
Вслед сеялки победно плыли,
бросая в землю семена.
А мы под скрип телег весёлый
на склад спешили за зерном...
Уж вечером шагали в школу
в военном том, сорок втором...
Но утром вновь дорога в небо
вела нас круто на бугор...
Цвёл май... Жгло солнце...
Где б я не был-
всё это вижу до сих пор.

МАЛАХОВ КУРГАН

Вечереет...

Причудливой тени...

Высоко розовеет курган.

Осторожны наверх ступени

по виткам, по кругам.

Меркнет свет

в полумгле бастионов,

канониров у пушек нет,

стынут ядра ,орехи каленые,

словно плуг,

порыжевший лафет...

Вот вершина...

Вечерний город

опоясал огнями залив,

где на рейде спокойно и гордо

свою вахту несут корабли.

Потемнело...Отчетливей вижу

панораму далеких дней:

матрос Кошка меж взрывов рыжих

и Корнилов с трубою своей.

Пирогов, перемазанный кровью,

рядом раненый дико кричит,

клубы дыма...

Ход снизу роют,

и сверкают штыки в ночи...

Неостывший от близкого боя,

вниз спускаюсь

наискосок.

Ресторанчик шумит под землю —

бывший пороховой погребок.

О, кощунство! Какой-то парень

в тельняшке стоит у дверей

и, шатаясь, совсем не от раны,

с руганью окликает друзей.

В ПУЛКОВСКОЙ ОБСЕРВАТОРИИ

Поднимаемся мы на высоты
меж деревьев, что покрыты шрамами...
В глыбе камня- щель, остаток азота...
Тополь без вершины... Всюду- ямины...
А экскурсовод ведёт рассказы
о планетах, о мирах безвестных...
Рядом слышен скрип протезный вяза,
заглушающий мне птичьи песни.
- Нет! Совсем не трубы телескопов-
жерла пушек смотрят в синеву!
И бурьян засыпанных окопов
шепчет мне полынную молву.
Вижу будто: Ленинград... и холод...
в улицах - смертельные бои...
с Пулковских высот расстрелян город...
-«Девушка, об этом расскажи!?!»

Шлях войны

Я помню осень: на восходе
бреду, не чуя своих ног,
по пыльной, горестной дороге
среди военных тех забот.
То- пыльный шлях...
Там в дальней дали
исчез отец...
Там дым- столбом...
Там боль надежд всех, ожиданий,
опалены навек огнём.

Одесса

Разноязыкая Одесса
и разнолика, как сон:
то, как курортница- принцесса,
то- неприступный бастион!
... Проходят в чётком карауле
ребята к вечному огню.
Иду я рядом, как под пули
в том, не законченном бою!..
И зелень парков и причалов,
и плеск волны о волнорез
знакомой музыкой звучали-
гремел Утёсовский оркестр!..
На Дерибасовской по ходу
спешил вдоль гавани морской...
На синей глади теплоходы
блестели яркой новизной!
И насладившись панорамой
порта, где флаги разных стран,
присел в приморском ресторане...
И, как музей, был ресторан.
Официантки, что актрисы:
красивы, чопорны, чуть злы...
А я поесть скорее мыслил,
а есть мне долго не несли...
Потом- в театр... Затем по главной,
по Дерибасовской спяна,
среди моряков степенно плавал-
была кипуча их волна...
- Разноязыкая Одесса
и разнолика, как сон:
то, как курортница- принцесса,
то- неприступный бастион!

Идут маневры НАТО -

свинцовый льётся град.

Свежи и нагловаты
шеренги, чётко ряд....

Чеканя шаг подковами,
танкетками гремя,
вытаптывают снова
оглохшие поля!

Под залпы смертоносные,
сквозь гарь и жуткий смрад
всплывают крестоносные
знамёна бундестаг.

И «першлинги» сурово
нацелены в зенит,
в любой момент готовые
весь мир испепелить!

Под свастикой- жар бреда
коричневой чумы...

Эсесовский последыш
вновь целится из тьмы.

Доколе это будет
на горестной земле,
забыли разве люди
о пепле и золе?!

Текли кроваво реки,
от слёз полны моря...

И до сих пор калеки
протезами скрипят!..

... Идут маневры НАТО-
свинцовый льётся град.

И снова наглогато
звереет чей- то взгляд.

МЕМОРИАЛЬНАЯ ДОСКА(поэма)

**(В городе Тюкалинске на дощатых ворота одного
из домов краснела звезда и надпись:
«Прохожий, остановись, здесь живёт герой-партизан
Куриных Филипп...)**

*Мемориальная доска - единственная,
историю которой знаю я.
Смотрю и вспоминаю, перелистывая
за годом год, обиду затая.
Нет! Я не против слов «Он не умрёт!..»
Что «с нами навсегда!»), что «Он бессмертен!..»
Но горькой правды в них не достаёт,
как иногда в красивой киноленте.
Без надписи я помню этот дом,
бревенчатый...Наличники резные...
Зелёные рябины под окном
и синь небес - как песни о России!*

2

*Словно пули, свищут пчёлы,
и вокруг - цветы...
Отчего так невесёлый,
молчаливый ты?..
В огородах - алы маки,
песни за рекой.
Чайке хочется поплакать
над чужой бедой
Кличет, в сердце беспокоя
память грозных лет,
рвётся в небо голубое
отблеском ракет!..*

*Небо гулами расколото-
трассы огненные в нём.*

*Взрывы, как удары молота,
и закат горит кругом.
Лопаются парашюты,
словно пены пузыри!
Пули взвизгивают жутко-
смерч внизу, замри.
Весь десант почти расстрелян
в воздухе... Кто уцелел,
в темноте ползут до цели-
это лишь начало дел.
А потом - леса, болота...
Партизанские бои...
Полицай иль унтер - кто ты?
Кто?- не знали и свои.
Был разведчиком в отряде,
и пришёл с войны назад
ты, без званья и награды,
безымянный наш солдат!*

*Невысок, слегка кряжист,
с льяными волосами,
в разговорах не речист...
Добрыми глазами
настороженно смотрел
с грустью незаметной...
Позже дядька между дел
рассказал секрет мне:
Книжки есть про Ковпака
и отряд Медведева,
есть в них факты с «потолка»-
правде не соответствуют.
Потому другой Филипп,*

Куриных - предатель...

*Видно, в тайны те не вник
«ветрогон» - писатель.
Он - разведчик, тот Филипп
под чужой фамилией...
Прочитал Филипп, и сник:
докажи - столь минуло.
Нет архивов, нет того...
Кое-кто подшучивал.
От насмешек, от всего
боль под сердцем мучает...*

5

*Опять весна!.. Победно распевают
ручьи. прёт веток молодой побег...
Филипп. нас с дядькой у ворот
встречая,
к себе ведёт на праздничный обед!
За стол сажает, рюмки наливает:
«Что ж, с 1-м Маем, праздником весны!
И с праздником моим...»- и нам читает,
читает телеграмму из Москвы.
Читает - а глаза слезой застлались,
читает - пятна света на лице!..*

**В Москву на день Победы приглашали
те, с кем дружил во вражеском кольце.
Москва!. - как долго ждал он это чудо.
Москва! – он жил надеждой до конца...
Теперь ему во всём поверят люди,
не будет больше тени подлеца.
Прочёл. Присел... И нежно обнимая
жену и нас, шутил: «Моя весна
пришла...»
Румянцем ярким занималась
на щёках каменная желтизна**

6

*Аэропорт. Москва... Филипп с друзьями,
 которых мог не встретить никогда!
 ...Потом места боёв, где партизанил,
 и встречи- с кем свела судьба тогда.
 Вернулся из Москвы счастливым, светлым-
 но как-то сразу занемог и слёг...*

7

*О нём писали многие газеты,
 на пионерский приглашали слёт.
 А он лежал в больнице, на окраине,
 в лесу, где осень тихо шелестела,
 и зная, что смертельно раком ранен-
 спокоен был, собравшись до предела.
 Москва, ему награды высылая,
 запрашивала о его здоровье-
 а он, уже подолгу погружаясь
 в какой-то сон, сдвигал сурово брови.
 Лететь на юг отказываясь вежливо,
 с тоской следил в окне за облаками.
 Не помогли профессора приезжие-
 болезнь была запущена годами.
 Остановилась стрелка золотая
 часов, ему подаренных в Москве...*

8

*И я стою, и снова вспоминаю,
 как в первый раз навстречу вышел мне.
 Не в орденах, не со страниц газетных,
 где интервью о подвигах просили,
 а тот-простой, и внешне неприметный,
 каких встречаем мы по всей России!..*

День Победы

«Святая память!»- слышу вновь от деда,
ему уж 95... В огне
сражений
он ковал в войну Победу,
и верил о великом этом дне!
«Святая память!»-мой отец под Псковом
пал смертью храбрых...Я с тех пор живу
его судьбою, защитить готовый
и дом свой, и огромную страну...
Мне самому за 80 лет,
и где-то там, из памяти недетской,
суровой, вижу деревенский свет:
поля, телеги, фронтовые вести...
Сельчан усталых... Из бессонный взгляд.
И что ни день, листочки- «похоронки»...
О, Родина! Превыше всех наград
слова людей: «Для фронта всё!
Для фронта!...»
... И стали возвращаться- кто без рук,
кто без ноги...В потёртых гимнастёрках...
Не многим повезло: семейный круг...
И счастье трудное- за всех , за мёртвых!

И память та, как искорка во мне,
за самое святое- пресвятое!!
Был подвиг, ради жизни на земле!
И этот подвиг навсегда со мною!!
Победный подвиг- в сердце, на века!
Да, годы фронтовые я изведаль:
со мной тот подвиг, с самого роста,
я стал твоей частицею - ПОБЕДА!!!

БЕССМЕРТНЫЙ ПОЛК

Ваш час пробил!-
Вы вновь пришли живые
из дали дальней, из небытия!
Уже почти забытые , родные.
И не солдаты только- вся семья!
И стар и млад! Бессмертный полк впервые
идет по городам, за рядом ряд!
Портреты, фотографии простые
бойцов... И ордена в лучах горят!
Несут плакаты женщины, подростки...
Вот мальчуган со знаменем в руках!..
Вот дед, ему идти совсем не просто,
но сын его на фронтовых листах...

Идут в колоннах те:
- кто пал под Брестом,
-кто в окруженье в Харькове попал,
-кто партизанил,
-кто замучен зверски
в концлагерях и без вести пропал...
А тот солдат, что в форме незнакомой,
в бою смертельном свой оставив взвод,
в могиле братской далеко от дома,
надеется, что мать его найдёт.
И может будет перезахоронен?!.
...Я становлюсь с другими в строгий ряд,
и смотрит с фотографии военной
отец мой, на победный наш парад.
Бессмертный полк!?-
пришел живьем на веки
и в сердце нашем вспыхнул, как салют!
Салют ПОБЕДЫ!?-
с верой человеческой
в душе все годы прошлые встают.
Семидесятилетье!- боль и беды
сам испытал за восемьдесят лет!?.
Идёт бессмертный полк на День Победы,
и над страной горит высокий свет!!

**ЭТИ СТИХИ НАПИСАНЫ МНОЙ В ДНИ
ПРАЗДНОВАНИЯ 70-ой ГОДОВЩИНЫ
ПОБЕДЫ В ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ.
Я ВПЕРВЫЕ ЧЁТКО ОСОЗНАЛ,
ЧТО Я ВМЕСТЕ С ПОГИБШИМ ОТЦОМ
БЫЛ И ОСТАЮСЬ ЧАСТИЦЕЙ ПОБЕДЫ.**

ПАМЯТЬ. Бессмертный полк.

Глава четырнадцатая. СИБИРИ НЕ ИЗМЕНЮ

СИБИРЬ

Свирепые ветры насквозь пробирают-
от них леденеет внутри...
Но с думой о лете согреться стараюсь-
ведь рядом свистят снегири!
Я врос в эту землю всем сердцем, всей кровью,
в снегах и во льдах растворён...
И с нежностью давней, которой не скрою,
в родные просторы влюблён!

МОЁ ПРИИРТЫШЬЕ

Я вдоль- поперёк исходил всю страну:
знаком с ТУ-ЮК-СУ, с Тебердою,
на финском заливе лелеял волну
и в «Пушкино» мчался с любовью.
Но есть заповедная та сторона-
в Сибири, в чащобах таёжных,
где в пади медвежьей поёт тишина,
где встречи со сказкой возможны.
Мое Прииртышье!?
- Отрада моя!
Былинный Иртыш, крутояры.
Волнуется хлебная нива в полях,
и в зелени ёлки нарядны.
Немного на Север- глухая тайга,
чуть к Югу- степные просторы.
Здесь дом мой- и родина так дорога!
Не надо ни Крыма, ни моря.

ИСПОВЕДАЛЬНОЕ

Хочу свой трудный век дожить,
служа одним талантом,
в стране натруженной не быть
мне квартирантом.
Природа- храм, её любя,
отдал давно ей душу.
Она мне- радость, боль, судьба.
Её мне - вечно слушать.
В ней- вечность! Нежность сохраню
к озёрам и разливам.
Лелею колос и стерню,
иду к заречным ивам...
Хочу я здесь в смертельный час,
презрев лекарств отраву,
упасть в лугах в последний раз,
обняв цветы и травы.

* * *

Куда ни кинь- повсюду клин.
Скулёж да споры...
Таюсь в сторонке я один-
храню свой порох.
Что понапрасну обсуждать
закон, порядки.
Вожди привыкли обещать,
в словах играя в прятки.
Опять диктат, везде – омон,
и нечисть рвётся к власти.
Обрызган кровью небосклон,
вновь рвут Чечню на части!
И стали вечера тихи,
так одиноки...
Давно не пишутся стихи,
Кричат с трибун пророки.

ПРИЕЗД НА РОДИНУ

Улиц грязь, и та- родная!
Край любимый, не кори,
что я редко приезжаю
на село- на пустыри.
- Нет деревни... Лишь осталось
две избенки у реки...
Ах, какая боль и жалость!7
Где те детские деньки?
Где те пляски, хороводы
и весенний лунный свет?..
-Я иду по огороду...
Ни плетня, ни дома- нет

Люблю без памяти, люблю
луг золотистый, чистый , вольный.
В разлуке, вновь в чужом краю
ты снишься мне- тобою болен.
Ты блеском трепетным горишь
в заре, туманы раздвигая.
Мне в душу ласково глядишь,
как колыбель, в цветах качая.
О, Родина!
Не дай пропасть
во тьме, вдали- свети мне, властвуй!
Мои надежды, веру, страсть
ты не отринь- дари мне ласку.

ВЕЧНЫЙ ДВИГАТЕЛЬ

Вечный двигатель?!
-Вечный!
Выдумки старины.
Вечен только Путь Млечный
да бредовые сны.
Я один- и в сомненьях
мучаюсь допоздна,
я- один...
Только тени
да вокруг – тишина.
Вечный?-
в чём она вечность?
Не загробный ли тлен.
где нам душу излечат...
- Может, бронзовый плен?!
Вечность- это живое,
как трава и зверьё,
вечно то, что весною
нежит сердце моё!
Вечность- это, бесспорно,
наших дел ясный свет,
продвиженье в просторы
отдалённых планет!
Как в большом,
 так и в малом-
в каждом деле всегда
чьё-то сердце стучало...
И стучит сквозь года!
... Я один в этот вечер,
но полмира во мне.
СЕРДЦЕ, ты ли не вечный
двигатель на земле?!

ОМСКАЯ ОБЛАСТЬ

На юг подайся – степь ковыльная,
на север чуточку – тайга...
Здесь лесостепь, земля обильная.
Здесь свет берез, звон ручейка.
Люблю Иртыш в большом разливе
и светлый город – в нем живу.
Но с детства
нет минут счастливей,
когда в полях родных брожу.
Не знаю,
что мне в них дороже:
озер ли синь, рек глубина
или просвет лесных дорожек,
где в травах ягода красна!
А может, в этот зимний вечер
милей снежинок хоровод,
и тех стогов далеких свечи,
и санный путь, что к ним ведет?!
А может, избы теза лесом,
дымки,
что в небо вознеслись...
Близки мне люди?!..
С интересом
я вглядываюсь вдаль
и ввысь.
На конопле сидят чечетки
и алый рядышком снегирь...
Любуюсь всем!
И смысл отчетлив:
все это –
Родина! Сибирь!

* * *

Сибирь моя родная,
твой свет в душе моей!
Просторней нету края,
нет края красивей!
Люблю метель, морозы.
Люблю большой разлив,
где островки берёзок,
где отсвет грустных ив!
Люблю Иртыш могучий
в весенний ледоход.
Люблю причал под кручей
и белый теплоход.
Любуюсь хлебным полем,
вершу в лугах стога.
Суровым своевольем
тайга мне дорога.
Иду я Прииртышьем
в таёжный край глухой,
и хмелем, мёдом дышат
рассветы над тропой...

* * *

«Господи, когда меня уймёшь?...»
- В полночи глухой, дождливой, стылой
я тащусь по полю через рожь,
вымокший в росе, почти бессильный.
В лес вхожу - берёзовая ветвь
бьёт наотмашь, обжигая щёки...
Осень... Сырость... Дома бы сидеть!?.
...От себя бегу я, одинокий.

* * *

Целый мир я поизъездил,
тыщи вёрст исколесил,
но признаюсь вам по чести:
счастья я не находил.
Возвратился в край любимый,
не стыжусь сыновних слёз
над родительской могилой
меж приветливых берёз.
Прохожу вдоль речки сонной
и на мостике стою...
Как до боли всё знакомо
в давнем, ветреном краю!
Косогор, плотина, роща
и туманный дальний луг...
Под окном рябина ропщет
на печаль моих разлук.

* * *

Сторона моя родная,
в блеске радуг, в свете зорь —
ты, мне юность возвращая,
давней болью не неволь.
Те дымящие закаты
дней войны, больших потерь
иногда тоской накатят —
страшно вспомнить и теперь.
Память ту не предавая,
вновь у бездны на краю
прошепчу: «Земля родная,
я навек тебя люблю!
Так люблю твои плотины,
леса шум и звон ручья,
и весенний гвалт грачиный —
всё, чем жизнь моя полна.

* * *

Придумать бы аккумулятор
для сердца...В жизни грозовой
мы столько сил душевных тратим,
взамен —хотя бы луч живой.
Не вечный двигатель -о, нет!
Изобрести б такую малость,
какой-нибудь счастливый свет,
которым сердце наполнялось! ...
Прошли года. Иссяк заряд,
и тихо сердце остывает.
И вечереет, гаснет взгляд,
надежд ни в чём не оставляя...

* * *

О, я хочу, преодолевая тленность,
увековечить дух,
вложить в мечты
несбывшееся,
чтоб над плотью бральной
всегда сияло чудо красоты!
Обожествить все таинства
Природы,
очеловечить лик земли родной...
О, как хочу
прийти к вам через годы
строкою с искреннею добротой.

СОДЕРЖАНИЕ КНИГИ

Пролог- 2
Зимняя берёза - 3

Глава первая. ПАМЯТЬ

Берёзовая роща- 4
Вглядись- 4
Мне берёза припомнилась- 5
Шум берёз- 6
В куржаке сплошном берёзы- 7
Берёза белая, родная- 8
Воспоминания - 9
Обелиск - 10
Жестокий май - 12

Глава вторая. СВЯТОСТЬ

На кладбище - 13
Погост- 13
Тихое кладбище в поле - 14
Без тебя на белом свете, мама - 15
Ночная гроза - 16
Берёзовый рай - 16
Дом кулака - 17
Майские грозы -18
Зелёным ковриком весна - 18
Мне ветер волосы полощет -19
В осенний сумрак - 20
Подсолнухи - 21
Жизнь проклиная -
Музыку осени - 23
Мычит телок - 24

Глава третья. ВРЕМЯ И ЧЕСТЬ

- В небе мглистом штормит - 25
- Тяжко мне - 26
- Правда - 27
- Снежком с утра - 28
- Россия моя ты в разрухе - 29
- Горек августовский путч - 30
- Луна высвечивает - 30
- С утра сомненья - 31
- Ширь озёрная расширилась - 32
- Давно пора нам троны сжечь - 33
- Шкурой ощущаю - 34
- Ощущаю сердцем - 35
- Жить нестерпимей - 36
- Россия, вернись - 37
- Россия! Славная, восстань! - 38
- Я в городе скучал - 39

Глава четвёртая. ОХОТНИЧЬИ ЗОРИ

- В огородах пожухла ботва - 40
- О чём звенит в ночи осока - 40
- Майский гром - 41
- Непрошенная гостья - 41
- Даль, опрокинутая с небом - 42
- На охотбазу - 43
- Охотничий дворец - 44
- Тетёрка - 45
- Позимок - 46
- Над Иртышом - 46
- Старичье - 47
- Государственный заказник - 48
- Ты-исцеление моё - 49
- Перепелята - 50
- Охотничья заря - 51

Глава пятая. ВЕСЕННИЕ РАССВЕТЫ

- Вербное - 52
- Пойма Иртыша - 52
- Утро зелёное в речку - 53
- Сок земли - 54
- Подснежник - 54
- Как стадо разбрелись - 55
- На разливах - 56
- Встреча с барсуком - 56
- Из сугроба - 56
- А день восходит - 57
- Скучнеют сумрачные дали - 57
- Выгора - 58
- Я-чужой - 59
- Лесостепь - 59
- По разливу - 59

Глава шестая. ЛЕТНЕЕ РАЗДОЛЬЕ

- Белопенная поляна - 60
- Опять светлею головой - 60
- После дождя - 61
- Дождь и мне лицо омыл - 61
- Два грача из старых веток - 62
- Груздь - 62
- Грибничёк - 63
- Подберёзовик - 64
- Царь грибов - 64
- Первый иней - 64
- Не доехав до деревни - 65
- И вот уж лето на исходе - 66
- Веду на поляне - 67
- Неожиданный дождь - 67
- В душе рождаю лучик - 68

Глава седьмая. ИСТОКИ ПОЭЗИИ

- Родной край - 69
- Я болен и безволен - 70
- Печальней не было - 71
- На исходе сентября - 71
- Да, я один - 72
- О вечном - 73
- Неужели напрасны - 73
- Кружатся жернова - 74
- Не знаю: может я и счастлив - 75
- Паисыч - 76
- Токовище - 77
- Пономари - 78
- Завьюженный лес - 78
- Возмужание - 79
- Что хотелось, то и пелось - 79
- Работа на износ - 79
- Божество-ты слово - 80

Глава восьмая. ОСЕННИЕ ПЕРЕМЕНЫ

- Осенняя дрожь - 81
- Над деревней сумрачный покой - 81
- Клуб совхозный - 82
- Околица - 82
- Низкие тучки - 84
- Засуха - 84
- Перед дождём - 85
- Царство лесное - 85
- Божья краса – 86
- На исходе - 87
- В дни войны - 87
- Осенняя заря - 87
- Изморозь - 88
- Январский воздух - 88

Обледеневшие ветви - 89
В поле за ночь - 90
Жнивье и озимь - 91
Прошла метель шальная - 92

Глава девятая. ЗИМНИЕ КАРТИНЫ

Зимнее утро - 93
Зимник - 93
Январь-просинец - 93
Деревенское утро - 94
Странная луна - 94
Зимний лес, полупризрачный - 95
Отпускные выходные - 95
Чарым - 96
Ночь... Луна... - 97
Дед Софет и я-97

Глава десятая. МАТЕРИНСКИЕ ЗАБОТЫ

Я трогаю шрамы - 98
Скорбит осенняя земля - 98
Элегия февралю - 99
На окраине Сибсоддатки - 100
Там, за далью - 100
Вернулся - 100
На могиле- 101
Я к тебе вернулся- 101
Ночной приезд- 101
Старею- 102
В полночь - 102
Воспоминание - 102
Мама - 103
Август ткётзолотистую-107
В час последний - 107
В экспрессе - 104
О, жизнь упрямая - 105

Глава одиннадцатая. ЭЛИКСИР МОЛОДОСТИ

- Марафонец - 106
- Ода марафону - 108
- У Иртыша - 109
- За Усть- Ишимом - 109
- Стеновая стрельба - 110
- На пьедестале - 111
- В Домбае - 112
- Городки - 113
- Слетев с опушки - 114
- Источник радости я сам - 114
- Небо крутит парашюты - 115
- Царство лесное - 116
- Снежком с утра запорошило -117
- Желтоватые поляны - 118
- Я- вернусь - 119
- Я- независим - 119

Глава двенадцатая. ВЛЮБЛЁННОСТЬ

- Твоя любовь - 120
- Заснеженность - 121
- В лице прекрасном - 121
- Я не предам - 122
- Здесь, где лохматые сосны - 122
- Всё впереди - 123
- На день Победы - 124
- На турбазе в Чернолучье - 125
- Солнце светит над поляной - 125
- Земная богиня - 126
- Ожидание - 127
- Я слезе твоей - 128
- Уйти бы надо - 128
- На родине - 129

Всё очнулось вмиг - 129
Летний дождь - 130
Наследство - 130
Встреча с красотой - 131
Не мучаясь тоской и славой - 132
Творчество - 133
В Сибири есть одна изба - 133
Мартын всё кружит - 134
Люблю - 135
Июнь 1941г. - 139

Глава тринадцатая. ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА (1941-1945 гг)

Я помню - 136
Автопортрет - 137
В глубинке - 138
В пору тяжких годин - 138
Трёхкопеечный калач - 140
Севастополь - 140
В Тигарстене - 141
Приезд в Пушкино - 142
Весенний сев - 143
Идут маневры НАТО - 147
Малахов курган - 144
В Пулковской обсерватории - 145
Шлях войны - 145
Одесса - 146
Мемориальная доска (поэма) - 148
День победы - 152
Бессмертный полк - 153
Память – 155

Глава четырнадцатая. СИБИРИ НЕ ИЗМЕНЮ Сибирь-156

Моё Прииртышье - 156
Исповедальное - 157
Куда не кинь - 157
Приезд на Родину - 158
Люблю без памяти - 158
Вечный двигатель - 159
Омская область - 160
Сибирь моя родная - 161
Господи, когда меня - 161
Целый мир - 162
Сторона моя родная - 162
Придумать бы аккумулятор - 163
О, я хочу - 163

РЕДАКЦИЯ

Редактор - Грачёв Анатолий Иванович

Лит.редактор - Седов Николай Петрович, лауреат
литературной премии им. П.П.Ершова...
Руководитель. Проекта - Сорокин Алексей Петрович,
директор Омского Фонда культуры
Технический редактор -
Зензин Владимир Владимирович,
сын автора книги.

Фотографии: Виктор Ляпин,
Владимир Кудринский, Евгений Кармаев.
Корректор - Суворова Вера Алексеевна,
преподаватель литературы ОКТС

Макет предоставлен автором. Отпечатан без изменений.
Стилизация текста, орфография и пунктуация автора
сохранены.

ОТПЕЧАТАНО

ООО «Полиграфический центр «Татьяна»
644010 г. Омск, ул. Жукова, дом 78, офис 14П